

Ведущая на свет

Автор:

Вера Волховец

Ведущая на свет

Вера Волховец

Я работаю ангелом. Получается паршиво.

Я освободила опаснейшего из всех заключенных демонов. Ему триста лет, и он – зло во плоти.

Так говорят мне. Вот только я в это не верю. Я верю в него. И пусть он опасен, пусть – несносен, пусть по натуре – неисправимый бесстыжий паршивец.

Я не боюсь. Я выведу его на свет. Чего бы мне это ни стоило...

Вера Волховец

Ведущая на свет

1. Свет на лице

Мое утро начинается со света на лице. Я нарочно не задерживаю шторы, потому что не хочу просыпаться под будильник, солнце куда более ласково обходится с теми, кого ему надлежит разбудить.

Итак, оно настало, это утро. Еще одно.

И я точно знаю, что оно будет максимально похоже на начало дня любой обычной девушки.

Я встаю, выпутываюсь из одеяла, промахиваюсь левой ногой мимо шлепанца, оставленного у кровати, плетусь в ванную, чтобы почистить зубы и принять душ.

Все такое обычное, кажется, сейчас в дверь моей ванной постучит папа и крикнет: “Агата, ты скоро там?”.

Вот только папа не постучит. Он уже полгода постучать в дверь ванной не может.

Нет, если вы мне сейчас хотите принести соболезнования, давайте остановимся на этом, потому что вы меня неправильно поняли.

Это не мой папа умер полгода назад. А я...

“Обычное дело” для двадцать первого века: машина, вспышка, свет в конце тоннеля, а потом ты открываешь глаза и понимаешь, что стоишь посреди улицы и смотришь, как твое тело запаковывают в черный пластиковый пакет. Не обращая внимания на то, что вот она ты, стоишь тут рядом.

А за спиной кто-то покашливает, явно требуя к себе твоего внимания.

“Доброго вам вечера, Агата Виндроуз, и добро пожаловать в вашу посмертную жизнь”.

Радужно ли звучит? Я без понятия. Наверное, все дело в том, что я никогда особо не сомневалась, что какое-то посмертие у людей есть, только не знала, какое.

Теперь знаю.

В девяноста процентах случаев вы слышите: «Ваш греховный кредит не позволяет вам свободного посмертия, вам надлежит отправиться в Чистилище для его отработки».

Греховный кредит. Звучит так, будто кто-то тебе при жизни что-то занял, а на деле это какая-то очень абстрактная величина, обозначающая, насколько ты при жизни была «плохой девчонкой».

Дочистив зубы, я наливаю кофе. Черный, горький, потому что у меня вчера кончился сахар, а из-за очередного прилетевшего мне штрафа новый я взять не смогла.

Да-да, штрафы.

Спорим, вы надеетесь, что хотя бы после смерти вы распрощаетесь с отчетами, работой, зарплатой, на которую придется «выживать», а также штрафами, нудными боссами и ненавистным дресс-кодом, из-за которого вынуждены таскаться на работу в неудобных шмотках?

Как же мне не хочется вас разочаровывать, но придется. Предупрежден – значит, вооружен и все такое.

Нет, не распрощаетесь.

Тут, наверное, стоит остановиться, представиться, потому что я, кажется, этого еще не сделала.

Привет, меня зовут Агата, и я работаю ангелом. Если вы представили девочку с нимбом, в белоснежных одеяниях, парящую на белоснежных крыльях и поющую гимн, восславляющий Небеса, – вы промахнулись. И нахорошо.

Нимба нет и не будет – с учетом того, что в смертной жизни я успела неслабо накосячить, он мне просто не положен. По тем же причинам крылья у меня не белые, а грязно-серые. А в области у лопаток, я точно знаю, у меня плотное пятно черных перьев. Как и у всех, запятнанных серьезным грехом.

Белоснежные одеяния...

Знаете, я бы, пожалуй, согласилась на этот пункт, потому что это всяко удобнее, чем положенная мне по дресс-коду форма.

Нет, серьезно: тот, кто придумывал и утверждал дресс-код для сотрудников Чистилищных Департаментов, совершенно не представлял всего того спектра работ, что в этой форме предстоит выполнять.

И я еще могу представить, как сборщики душ в этой форме выполняют свои служебные обязанности. Но когда ты – работник Департамента Святой Стражи и когда ты работаешь на самом верхнем, самом жарком слое Чистилища, эти черные брючные костюмы с пиджаками – да-да, для девушек тоже – это и душно, и попросту не функционально.

В стычке с демоном форма только добавляет скованности в движениях. Это если вынести за скобки банальный дискомфорт во время такой рутинной работы как патрулирование над Полями.

Ну, а про распевание гимнов – знаете, я была бы рада. Но некогда. Ей-богу, когда приходится завтракать в общей столовой, в компании приятелей, я даже помолиться перед едой не могу, чтобы на меня косо не посмотрели.

Типа, «что за ерундой ты маешься, Агата», «не отвлекай Небеса попусту», и «молись, не молись, а кредит сам себя не отрабатает».

А я – дочь священника, и без этого чувствую себя какой-то преступницей.

В общем, есть я предпочитаю у себя, в маленькой «служебной квартирке», в которой, кроме пары комнат и ванной, нет ничего.

Если не приглядываться, быт обитателя Лимба не особенно отличается от быта любого смертного человека.

Те же будильники, те же джинсы дома, а костюмы на работу. Даже приходя с работы, мы так же плетемся в душ, чтобы смыть с себя пот и грязь. Ничего не меняется.

И все-таки отличия есть.

По крайней мере, для того, чтобы добраться на работу, я сейчас выхожу не из квартирки в коридор, а из квартирки на балкон. Точнее, на то подобие балкона,

что тут имеется. Никаких перил, никаких ограждений, просто бетонная ступенька с внешней стороны здания, и ты шагаешь с неё, просто разворачивая за спиной крылья. Ну, или сначала разворачиваешь, а потом шагаешь. Смотря насколько ты любишь адреналин.

В объятия небес я ныряю стремительно.

Под ложечкой посасывает с утра, и никак от этого ощущения избавиться не получается.

С одной стороны, сегодня – особенный день.

С другой стороны, именно поэтому меня слегка и подташнивает.

Правда, какая разница? Кредит же сам себя не отработает. Так ведь?

В наличии крыльев есть свои плюсы. И минусы. Честно, я не знаю, в какую графу записывать тот факт, что путь от моего дома и до Департамента, в котором я работаю, занимает пять минут полета. Пять минут над ровными улицами верхнего слоя Лимба.

Ах, да, кстати. Вы еще привыкнете, но Чистилище все местные называют Лимбом. Не знаю, почему. Что-то в этом есть очень человеческое: «Чистилище – звучит жутковато, а Лимб – как название параллельного мира». И вроде как уже не так грустно, да?

Департамент Святой Стражи – мое место работы – имеет много корпусов. И, казалось бы, есть грешники похуже меня (ай-яй-яй, Агата, не осуждать, не правильно это – меряться с другими кредитом). Но мне «повезло».

Я работаю в «головном корпусе». В том самом, в котором работает начальник всея управления Святой Стражи, архангел и Орудие Небес Артур Пейтон.

Чтоб вы понимали, почему я очень не рада факту работы под его началом, я вам расскажу, насколько адская давка сейчас происходит внутри департамента, в холле. Большом, просторном, светлом и спокойном холле. Я сказала, спокойном? Ну, да, в любое время, но не перед началом рабочего дня.

Ты же не только должен явиться на работу, ты должен успеть зарегистрироваться на любой из стоек дежурных регистраторов. И сделать это ровно до девяти утра.

И... Не я одна не ставлю будильник, вы же понимаете?

А Артур Пейтон, наш великий босс, стоит сейчас на лесенке, смотрит то на бедлам, творящийся в холле, то на часы на правом запястье. Семь минут. И адская очередь. Черт!

– Роза, – я слышу восклицание за своим плечом и чуть ли не с облегчением оборачиваюсь.

Джон. Джон Миллер – мой лучший друг, если так вдуматься – единственный мой друг в Чистилище. Стоит в очереди почти у самой стойки регистратора. Перед ним всего два человека.

– Эй, она тут не стояла, – возмущенно шипит из-за спины Найджел Рэдклифф, когда Джон чуть сторонится, уступая мне место впереди себя в очереди.

– Я всегда занимаю для Агаты, – безмятежно откликается Джон и ободряюще мне улыбается. Где-то сбоку мечтательно вздыхает Лили, давно и безнадежно влюбленная в моего друга.

Я могу её понять, на самом деле. Есть подозрение, что Джон когда-то нарушил пару предписаний и явился людям. Вот весь такой, какой он есть: с хрустально-прозрачными проникновенными небесно-голубыми глазами, светлыми волосами и белоснежными крыльями.

Джон – из серафимов, из тех, кто уже свой кредит отработал и остался в Чистилище ради службы Небесам. Волонтер. Он может завязать в любой момент, может сам выбрать, чего хочет: счастливого свободного посмертия в раю или, может, перерождения.

– Опять рисовала допоздна? – шепчет мне Джон, пока я торопливо протягиваю регистратору запястье, на котором он должен будет поставить чернильную метку отсчета начала рабочего дня.

– Немного. – Я смущенно морщу нос.

– Немного рисовала или немного допоздна? – Джон мне слегка подмигивает и протягивает запястье вслед за мной.

– Девять часов. – Сухой голос мистера Пейтона разносится по холлу департамента, – все, кто не успели поставить метки начала смены, получают их только после получения штрафных квитанций в бухгалтерии. Кстати, мисс Виндроуз, вам я тоже штраф выпишу. Долго вы еще будете пользоваться мистером Миллером?

Это он ко мне обращается, ага. Агата Виндроуз – это я, а мистер Миллер – это Джон.

Да-да, вот об этом я и говорила. Мистер Пейтон педантичен до паранойи.

Джон подается было вперед, чтобы заступиться за меня, а я перехватываю его за руку.

– Не надо, Джо, – устало шепчу я, – я ведь и правда опоздала. А так нарвешься и ты.

– Да мне-то... – Джон дергает плечами. – Но мы же пропагандируем дружеские отношения в коллективе, зачем штрафовать тех, кто содействует вектору развития корпоративного духа?

Корпоративный дух. В Чистилище. Весело звучит, я знаю.

Но это Джо, мечтательный, доброжелательный Джо, который может найти плюсы даже у самого конченного грешника, который настаивает на том, чтобы директиву помилований расширили не только на демонов-бесов, но и хотя бы на слабых демонов похоти.

Получив рабочую метку, я беру у дежурного жетон для перехода в измерение и рюкзак с сухим пайком – без него целую рабочую смену в небе верхнего слоя Лимба просто не вынести.

Переноситься я не тороплюсь, обращаюсь к Джону.

– Ну как ты, волнуешься? – мой друг чуть улыбается, глядя на меня. – Первый самостоятельный выход в патруль.

Он смотрит на меня чуть ли не с гордостью, а мне стыдно сознаться, что я вообще-то трушу и чувствую себя душой.

Меня готовили к этому полгода. Десятки инструктажей, десятки тренировок с тяжелым клинком воли, чтобы, если что, дать отпор освобожденному демону, десятки репетиций молитвы экзорцизма, которая, если что, должна демона нейтрализовать.

А я... А мне тошно думать о предстоящем рабочем дне. И не потому что волнительно, а потому что тошно.

И все-таки... Я не могу так подводить Джона, ведь именно благодаря его протекции я получила эту работу. Так я со своим-то кредитным счетом могла еще пару лет дожидаться подходящего рабочего места, стоя на бирже или работая в каком-нибудь греховном архиве, где мало того, что ужасно скучно, но еще и работать почти бесполезно – там работа оплачивается хуже, чем в любом другом рабочем месте Чистилища.

– Ничего, ты справишься, Роза, – ободряюще улыбается мне Джон, а потом невесомо касается моего лба своими прохладными губами.

– Поужинаем вечером? – шепотом спрашивает он, а я по инерции киваю. Поужинаем. Мне нужна будет чья-то компания, это точно.

И все, собираюсь, сжимаю пальцами ключ-жетон, закрываю глаза и поднимаюсь на слой выше.

Единственный слой Чистилища, на котором никто не живет, но обитателей тут хватает.

Ведь здесь заточены демоны.

Поле Распятых в Чистилище охраняется так, как не охраняются в Тауэре сокровища английской короны. Сюда нельзя попасть без особого ключа-жетона, и как только ты поднимаешься на этот слой из Департамента Святой Стражи, ты сразу же оказываешься перед стойкой дежурного серафима, которому ты должен этот ключ-жетон сдать до конца смены.

Нельзя допускать побега демонов. Очень много сил потрачено на их задержание, каждый из них – опасная тварь, и нечего им делать ни в Чистилище, где смертные пытаются исправляться, ни в смертном мире, где еще и слухом не слыхивали про греховный кредит.

– Доброе утро, мисс Виндроуз, – кивает мне проходящий мимо Катон.

Еще один архангел, еще одно Орудие Небес. Но в отличие от мистера Пейтона, этот архангел довольно спокоен и тираном не слывет.

Катон организывает все мероприятия по установлению кордона вокруг Полей Распятых, он всегда и везде, есть ощущение, что помимо дара управления водой Небеса подарили ему возможность находиться в тысяче мест одновременно.

Я сдаю жетон, получаю фляжку со свежееосвященной прикосновением Катона водой, закидываю её в рюкзак, а потом оглядываюсь и ныряю в один из боковых коридорчиков.

Рит, моя давняя подруга и наставница, с которой мы пролетали уже не один патруль над Полями, сейчас ушедшая в отпуск по восстановлению после отравления демоном, оставила мне ключи от своего кабинета. Наверное, если бы при распределении на работы мне кого-нибудь поставили бы в пару, я бы не рискнула вылезать из формы, но... Не поставили. Решили, что я уже достаточно опытная для одиночных смен.

А мы с Рит уже выяснили: плевать, как и в чем ты выходишь на дежурство, в кредитной сводке это не отражается. Никаких штрафных коэффициентов в ведомости не появляется.

Под рубашкой у меня обычный белый топ, плотный, максимально закрытый, насколько это может позволить майка такого типа. Шорты я храню в шкафу в кабинете Рит.

Если вы торопитесь меня осуждать, то я сейчас вам объясню. На верхнем слое Лимба практически адская жара. И вопреки земным законам, чем выше ты находишься над землей, тем хуже. А мне предстоит шесть часов летать в раскаленных небесах над полями, и делать это в тесной, плотной, тяжелой форме – очень-очень неудобно. Даже не три пота сойдет за смену, а потов десять.

Когда я выхожу из кабинета Рит, я вижу косые взгляды. Ну, как всегда. Хотя не мы одни с Рит это практиковали. Многие патрульные не любят вариться в деловых костюмах. Тем более, что с демонами куда удобнее сражаться в джинсах и футболке, а не в сковывающем движения пиджаке.

Между прочим, зря они пальцами тыкают, нормальные шорты. Не короткие. Папа бы, наверное, поморщился, что, мол, неприличная одежонка, но папа у меня очень религиозен, в конце концов. У него не очень современные взгляды.

Отвлекаться на такую дурь полезно, удастся отстранить это странное ощущение пустоты, что не отпускает меня с утра. Но оно возвращается довольно быстро. Одной лишь дурью голову не займешь.

Я выхожу из Центра Управления Патрульными Службами и оказываюсь лицом к лицу с Полями. Они дышат на меня сухим жаром. И даже привыкшая находить красоту в любом пейзаже по старой привычке практикующей художницы, я смотрю на далекие холмы, покрытые лесами из крестов, – и мне плохо.

Не жутко, не страшно, просто плохо.

И все же, нужно работать. Нужно материализовать за спиной крылья – и как всегда перед работой они мне кажутся ужасно тяжелыми, и оттолкнуться – пятками от земли, крыльями от воздуха.

– Это просто работа, – твержу я себе, набирая высоту, – просто работа. Ничего больше. Кто-то должен следить за демонами, кто-то должен находить демонов, получивших амнистию, кто-то должен их подкармливать, приводить их, голодных и измученных, в чувство, кто-то должен сопровождать демонов в Ареопаг, где они получают свою амнистию.

Проблема только в том, что мне просто физически паршиво находиться тут.

Ведь демоны здесь не просто заключены.

Демонов нельзя сдерживать просто так. Они сами по себе сильнее любого обитателя Чистилища, и потому их приковывают к крестам. К простым деревянным крестам простыми стальными оковами.

А потом эти кресты и эти оковы освящает прикосновение руки Орудия Небес, руки Артура Пейтона. И с этой секунды соприкоснуться с крестом любой грешной душе будет больно.

Демоны же и есть грешные души. Те же люди в прошлом, которые в посмертии не остановились, грешили, грешили и получали одну демоническую метку за другой, пока не одемонели окончательно.

И все Поля Распятых по сути – это место концентрации их боли.

Да, я знаю, все за дело.

Да, я знаю, что некоторые демоны могут получить амнистию.

Некоторые.

Ключевая проблема в этом.

А демоны постарше, посильнее? Что с ними? А ничего. Они формально наказаны навечно.

И все эти мои мысли – они такие бестолковые на самом деле. Я ничего не поменяю, я всего лишь пылинка в Лимбе, никто меня и слушать не будет, не то что взять и переломить ради меня вековые традиции Чистилища. Тут даже новый, более прогрессорский вариант формы утверждали десяток лет, что уж говорить о чем-то таком, как отношение к демонам.

Я лечу над Полями, не особенно приглядываясь к происходящему там, на земле. Если разомкнутся оковы одного из крестов – у меня заколет рабочая метка на

запястье. Тогда я спущусь, медленно закладывая круги.

Этих меток у меня на запястье много и большинство из них постоянные. Они служат для связи с друзьями и коллегами.

А рабочую метку стирают в конце каждой смены, чтобы не тянула лишняя раз.

Как же я сейчас завидую Джону и ушедшей в свой чертов отпуск Рит. Они могут абстрагироваться, они относятся к патрулям как к простой и необходимой работе.

Почему не могу я?

Нет, я ведь знаю, знаю, что другого пути просто нет. Никак больше демонов не остановишь. Дальше – только ад, а в этот тур билеты выдают лишь в один конец.

И у меня тоже выбора нет. Разве что пару сотен лет проторчать в архивах, отрабатывая свой немаленький кредит.

Я и это-то место получила только благодаря рекомендации Джона, без него я бы в Департамент Святой Стражи не попала, сюда очередь из трудоустроенных на десять лет как занята.

И грех мне жаловаться, да? Мне дали возможность отработать кредит, сейчас, а не двести лет спустя, многим не дается и этой возможности.

Почему же так тошно мне, особенно сейчас, одной, без Рит, когда не с кем поболтать и никак не отвлечешься от этого тягостного ощущения, что здесь и сейчас я делаю что-то ужасно неправильное?

Когда над моей головой вдруг раздается сухой раскат грома, я вздрагиваю и сбиваюсь с полета.

Непростительный просчет для ангела из Святой Стражи, вообще-то.

Потому что из-за потери концентрации одно из двух моих крыльев тут же сводит резкой судорогой, и оно вдруг исчезает. Совсем.

Не сомневайся в промысле Небес, Агата...

А я усомнилась.

И я падаю.

Вниз.

В Лимбе не умирают, второй раз не умрешь.

Несмотря на это, с землей мне встречаться больно...

2. Вкус чужой боли

Я прихожу в себя от боли. Жжет затылок, спина пылает, будто ее секли плетьюми три часа кряду. Откуда я вообще знаю, как секут плетьюми? Ой, да без понятия. Но сравнение подобралось вот такое.

Я не сразу осознаю, что могу шевелиться, кажется, что эта боль меня парализует, ослабляет. Надо мной едва-едва голубое небо и слепящее, режущее глаза белое солнце.

В этом небе я летела, под этим небом не удержала внимание на тяжести крыла. Оно рассеялось, и я рухнула вниз. Паршивый из меня Страж Полей, что бы там ни говорил Джон.

Одно мое крыло – не рассеявшееся – неловко изогнулось под моей спиной. Судя по острой боли – сломано. Хотя падение смягчило. Ударься я головой, было бы хуже...

– Святоша, – тихо хрипит кто-то из-под моей спины, – я чувствую, что ты очнулась, слезь с меня, будь добра.

Твою же любимую мамочку, Агата! Ты на кого-то упала!

Собираю себя в кулак, отрешаюсь от боли, скатываюсь на землю.

Подо мной – крест. К таким крестам на Поле Распятых приковывают демонов.

Ой-ой. Я упала на крест, обрушила его на землю.

Будет мне сегодня выговор, будет и штраф. Мистера Пейтона хлебом не корми, дай наложить взыскание. Очень суров и придирчив этот мой начальник. Мне кажется, что ко мне особенно. Джон успокаивает меня, говорит, что по три шкуры Артур Пейтон дерет со всех своих подчиненных. А я прямо не знаю... Мне порой кажется, что где-то в прошлой жизни я наступила мистеру Пейтону если не на хвост, то на ногу – точно.

Может, это так у меня совесть нечистая чешется, потому что Артуру не за что испытывать ко мне приязнь. Работник я паршивый, в Лимбе водятся и получше. А греховный кредит у меня большой. Немногим меньше, чем у тех, кто начинает демонеть. От обращения в демона меня не так уж много отделяет. Чуть-чуть расслабься, чуть-чуть искусись – и пойдешь в обратную сторону от освобождения.

– Я ни на что не намекаю, но святая земля жжет меня не меньше креста, – слабо звучит все тот же мужской голос, – и валяться между двумя калеными наковальнями не входит в комплекс моих карательных мер. Они должны быть болезненны до грани сознательного. А я вот-вот отрублюсь.

Демона не видно из-под огромного креста. Но он мне не лжет, он прав. Я его сбила, надо как-то исправить эту беду. Хотя крест я и не поставлю самостоятельно, силенок не хватит. Но могу же перевернуть?

Вокруг меня кресты с демонами. Большинство из них находится в забвении – обычное дело для этой области – самых опасных здесь и солнце жарит сильнее всего, иссушая греховную жажду. А тот, кого я уронила, умудряется разговаривать.

Поврежденное крыло не рассеивается, и это еще хуже – оно мне мешает. Тем не менее я встаю, стараясь не задеть крылом соседние кресты. Я не демон, меня святая земля не жжет. Уже легче.

Я касаюсь края перекладины креста и шиплю от боли. Жжет. Ужас как прожигает мою грешную сущность прикосновение к святому кресту. Но я бросаю взгляд на дрожащие от боли пальцы распятого, втягиваю в себя побольше сухого горячего воздуха, прикусываю губу и толкаю перекладину вверх, заставляя её перевернуться.

Крест обрушивается на землю, на тыльную свою сторону. Демон, больше не соприкасающийся со святой землей, переживает удар креста об землю, с леденящим мою душу воем: его спина с размаху прикладывается к святыне, для него это фактически удар о раскаленную сковороду. Но болевого шока ни у него, ни у меня все-таки не случается. Хотя я, глядя на свои багровые пальцы, с которых от жара начала слезать кожа, испытываю настойчивое желание упасть в обморок, а не подвывать, прижимая к себе обожженные руки.

– Спасибо, – раздается хриплый голос, и, скуля от боли, я гляжу на распятого. Демон смотрит на меня устало, прикрыв веки, и длинные волосы лежат вокруг его головы, разметавшись во все стороны, будто лучи солнца.

У него быстрая регенерация... Куда быстрее, чем моя, потому что мои ожоги сходят медленно, а его – почти мгновенно. На моих же глазах.

Я на долю секунды забываю как дышать. Боже, какой мышечный рельеф... Даже сквозь тонкую сероватую рубашку проступает. Дайте мне бумагу и карандаш срочно, это совершенство нужно немедленно зарисовать.

Облей этого парня водой, и все скульпторы мира передерутся за то, чтобы слепить этот потрясающий торс, с прилипающей к коже тканью. В одной позе, в другой – в сотне тысяч поз. Идеал того стоит.

Нет карандашей... Можно я умру еще разок, а? Умру, сгоняю за карандашами и вернусь сюда...

– Целую вечность не видел младших ангелов-стражей, – негромко произносит демон. – Откуда ты, святоша?

Мне приходится унять в себе озабоченную художницу и поднять глаза на его лицо. Задеваю взглядом черное клеймо на кресте над его головой – такое же должно быть на его груди – аж ахнула, увидев три кольца вокруг звезды грешника. Исчадие ада. Мамочки...

– Ага, я очень плохо себя вел, – измученно ухмыльнулся распятый. – Страшно?

– Есть немного, – честно признаюсь я. – Но я не имею права осуждать тебя.

Как и прочие, находящиеся на исправительных работах. Допусти злую мысль, зависть, осуждение – и в недельной сводке по кредитным изменениям увидишь штрафные коэффициенты. Небеса все видят и все слышат.

– Не бойся, птаха, – ухмыляется демон. – Ты, конечно, ужасно вкусно пахнешь и я бы тебя с удовольствием сожрал, но...

Он дергает запястья, будто напоминая о том, что намертво прикован к кресту, не шелохнуться даже. Оковы – простые полосы святой стали – удерживают его запястья, локти. Обнимают за горло и под мышками. Он притянут к кресту намертво – не двинуться.

"Я бы с удовольствием сожрал..."

Сумка с провиантом будто тяжелеет на моем плече.

– Ты голоден, да? – торопливо спрашиваю я, вытаскивая из сумки лепешку просфоры и фляжку с водой. Мой рабочий паек, без которого смену на Полях просто не выдержать. Безвкусно, но это не чувствуют демоны и не искушаются лишней едой.

У рыжего округляются глаза. Удивленно. Что я сделала не так?

– В чем дело? – Чувствую себя недотепой. Понятия не имею, как ведут себя нормальные Стражи с демонами. За время работы с Рит мы ни разу на заключённых не падали.

А до того мой опыт работы заключался в том, что я проходила один инструктаж за другим, и все они рассказывали об опасности демонов. И о том, что лучше к ним не приближаться вообще никогда, кроме исключительных ситуаций.

У меня сейчас ситуация исключительная? Я свалилась заключенному на голову. Могу же компенсировать ему его неудобства, так?

– Ты серьезно? – тихо спрашивает демон. – Хочешь накормить меня?

– Ты сказал, что голоден... – Я пожимаю плечами. Вроде как это очевидно, нет?

– Я сказал, что с удовольствием бы тебя сожрал, – поправляет демон. – Это не одно и то же. Я хотел тебя напугать. У страха довольно острый запах, я хотел его ощутить. Я очень долго здесь не видел никого, кого мог бы развести на эмоции.

– Так ты голоден? – мне хочется улыбнуться. Даже сейчас, когда он вроде бы мне все это разжевал, – мне все равно не страшно. Забавный. Хотя демон, да... Мистер Пейтон бы наверняка меня отправил на дополнительные занятия по технике безопасности.

"Демоны не бывают забавными, мисс Виндроуз, демоны – это опасность!" – так любит говорить мой босс.

– Вообще-то да, голоден, – негромко отвечает демон, глядя на меня своими янтарными глазами. – Вот только разве тебе позволено приближаться к таким чудовищам, как я, птаха? Какой там у тебя ранг? Пятый? Ты совсем еще зеленая.

Ну... Учитывая общую политику Департамента Святой Стражи... Да, не позволено... К исчадиям ада запрещено приближаться работникам младшего звена, особенно неумехам вроде меня, которые и святым словом-то владеют паршиво.

Но... Я же вижу, что он не сводит глаз с моей фляжки... Мне что, убрать ее обратно в сумку? А это не будет ли жестоко по отношению к осужденному? Их, получивших высшую меру наказания, возможную для Лимба, и так-то Небеса не балуют. А этому я сегодня еще и боли выписала, не положенной по приговору.

– Ну... Если я тебя покормлю, в кредитный счет это не впишут, – неуверенно произношу я. – Если ты не скажешь никому из Святой Стражи...

Демон смеется. Хрипло, сдавленно, горько. Будто сама эта идея противоречит его сути.

– Вот за это не волнуйся, птаха, – насмешливо произносит он. – Честно говоря, ты первая из Святой Стражи, с кем мне вообще захотелось поболтать. От твоих коллег обычно так несет высокомерием, что сразу хочется перестать дышать.

В общем возражений у него не имеется. Я подхожу чуть ближе, опускаюсь на колени. Колени и так все в пыльных пятнах, им уже ничто не навредит. Ну-с, приступим к кормежке, так, что ли? Ох, только бы не отравил...

К его лицу и губам прилипли тонкие волоски, и я осторожно касаюсь кожи демона, чтобы их убрать. Медленно, несмело, потому что он на меня смотрит. Не отводит глаз, даже не моргает. И от этого на самом деле дышать сложно.

– Смешная ты, девочка, – шепчет демон, чуть улыбаясь. – Нравлюсь, да?

Врать демону бесполезно. У них чутье, они чувствуют буквально все, что ты чувствуешь. И чем сильнее демон, тем сильнее его чутье. Этот наверняка почует мое вранье еще до того, как первое слово неправды сорвется с моего языка. И ложь запрещена. Каждое лживое словечко – лишний минус по греховному кредиту. Минус по кредиту – неприятности от отдела кадров. Мне же дана такая уникальная возможность – отработать собственный долг! Не всем обитателям Лимба улыбнулась такая удача.

– Ты хорош, – смущенно улыбаюсь я. – Профиль такой четкий. Я бы нарисовала...

На самом деле он не походит на чудовище. О нет!

О демонической природе говорят только витые, длинные черные рога, покоившиеся над ушами. Ему чертовски идут его длинные, слегка вьющиеся рыжие волосы, убийственно длинные, спускавшиеся аж за поясницу. Они оттеняют узкие скулы, смягчают его лицо. Узкие губы пребывают в движении, то плотно сжимаясь, то чуть обнажая зубы.

Я люблю такие необычные лица, далекие от античного золотого сечения – пусть нос был чуть длинноват, но было в общей совокупности его черт нечто бесконечно завораживающее. И, если бы он улыбнулся – если бы он мог сейчас улыбаться, искренне, открыто, без толики ехидства, без сквозящей боли, – кажется, перед этой улыбкой вряд ли возможно было бы устоять.

Яркое лицо. Очень выразительное.

– Ты совершенно невозможная прелесть, птичка, – мягко смеется демон, не спуская с меня бархатного взгляда темно-янтарных глаз. – А знаешь, я бы поработал твоим натурщиком. С обнаженной натуры ты тоже рисуешь?

– Не пробовала, – я опускаю ресницы, ощущая, как начинают пылать щеки. Ой, ну я, конечно, в курсе, что демоны, особенно распятые, очень много думают о сексе, но вот не настолько же быстро сводить к этому разговор?

– Какая жалость, что не могу помочь тебе ликвидировать этот пробел в образовании. – Вкрадчивый мягкий голос обволакивает меня, будто жаркий кокон крепких объятий. Ничего не скажешь, обращаться этим орудием обольщения мой собеседник явно умеет.

Кормить его приходится с рук. Отламывая от просфоры по крошечке. Жует он медленно. Вообще так-то я и вправду играю с огнем. Он же правда может меня укусить и отравить. И высосать. Яд исчадий токсичный. Попадет мне в кровь – и все, конец.

Мне везет. Мой подопечный даже не думает трансформировать человеческие зубы в демонические, правда, когда я вкладываю в его губы последний кусочек, он ловит мой палец своими губами, будто целует их. Касается языком и тут же отпускает. Я даже не успеваю испугаться. А вот смутиться точно успеваю.

Рыжий мне подмигивает. Так провокационно улыбаясь, что даже уже это кажется пошлостью. Тьфу ты, пропасть какая.

Поить демона оказывается сложнее из-за лежачего положения его тела. Приходится поить по капле, наливая воду в крышечку фляжки. Я сначала думаю,

что проку от этого чуть, но лицо демона явно светлеет.

– Везучий ты ублюдок, Хартман, – хрипит один из распятых. Оказывается, не все они в забытии. Есть те, кто может и смотреть, и говорить. Печально, но воды у меня всего одна фляжка. И та уже почти пустая.

– Прикрой рот, Айвен, – рычит мой демон, вдруг резко меняясь в лице. Вот только что смотрел на меня глазами прожженного казановы, а сейчас зрачки сузились в вертикальные щели хищника и черты лица вдруг резко обострились. В них так и проглядывает что-то нечеловеческое. Глядит демон не на меня, а куда-то за мою спину. Оттуда тоже доносится тихое угрожающее, почти животное рычание, от которого по моей коже бежит мороз. Я будто оказалась между двумя волками. Глупая безмозглая крольчиха, тебе бы бежать отсюда, хоть к черту на рога...

Вот если я и думала раньше поделиться остатком воды с этим Айвеном, то сейчас он точно обойдется. Нечего меня пугать!

Смачиваю остатком воды ладони, провожу по лицу рыжего демона, смывая с его кожи пыль, охлаждая. Его лицо горячее, будто у него жар, но это не удивительно. Сколько он жарится на кресте?

– Ох ты ж, – тихо выдыхает демон, прикрывая глаза, пока мои пальцы скользят по его скулам. – Как же хорошо! Спасибо, птаха.

– Да ерунда, – я неловко улыбаюсь. – Не так это и важно.

– Малышка, – Демон приоткрывает один глаз и смотрит на меня, будто потешаясь. – Святая вода распятым притупляет боль. Это, знаешь ли, очень большая милость. Я сроду не видел, чтобы ангелы-стражи кормили и поили распятое отродье вроде меня. Так что, нет, не ерунда. Спасибо.

– Все потому, что ты чертов везучий ублюдок, Генри, – снова шипит из-за моей спины Айвен. – Выторговал себе кормежку.

– Значит, Генри? – повторяю я, вновь поворачиваясь лицом к обрушенному мной на землю кресту. – Или лучше Генрих? Генрих Хартман?

– Генри, – Демон морщится от звучания своего полного имени. – Генрих Хартман – это практически приговор. И да, это мой приговор, но все-таки я сейчас предпочту о нем не думать.

– Почему приговор? – я удивляюсь, поднимая брови.

– Надо же, девочка не в курсе, с кем разговаривает, – хохочет за моей спиной Айвен. – Может, рассказать ей, почему тебя совесть мучает, а, Хартман? С чего можно начать? С девок, которых ты резал, как овец, еще смертным? Или с лимбийских походов?

– Заткнись уже, Вэйл, – голос Генри становится еще ниже, но звучит, напротив, еще опаснее.

Айвен Вэйл рычит в ответ, уже без слов, как дикий зверь, и на моей спине волосы дыбом встают, будто он мне на ухо уже дышит своей яростью.

– А как тебя зовут, птичка? – ласковый голос Генри так контрастно звучит с его жестким тоном, которым он обращался к Айвену.

– Зачем тебе знать мое имя? – я виновато опускаю ресницы, припоминая, разрешено ли стражам представляться заключенным, и нет, не припоминается. – Я же вряд ли вернусь. Ты же понимаешь, я – страж. Мне не позволен контакт с распятыми.

– Но сейчас ты со мной хорошо так контактируешь, – насмешливо замечает Генри.

Я без лишних слов поворачиваюсь, демонстрируя Генри сломанное крыло.

– У меня вроде как исключительный случай, – поясняю я. – Да и, по сути, бросить место своего преступления я не могу. Нужен кто-то, чтобы помочь снова поставить твой крест.

Ожоги моя сущность залечить может – душа помнит, каким должно быть тело. Перелом крыла – нет. Это же дар небес вроде как. Нужен кто-то из серафимов, кто-то, умеющий исцелять наложением рук. Меня этим даром не одарили, увы.

Слишком грешная.

Но, разумеется, за этот разговор мне еще влетит. Нарушение правила наверняка ляжет в выписку кредитных изменений. Но ладно, это я как-нибудь переживу.

– И что ты будешь делать? – тихо спрашивает Генри. – Пойдешь пешком? С Холма Исчадий? Это действительно долгий путь, тебе не вынести.

Ну да, не под палящим, безжалостным к нечистым душам солнцем верхнего слоя Лимба*. Не без воды и без еды. Но я уже подумала об этом.

– Я вызвала помощь, – я касаюсь запястья, покрытого черными мелкими значками и буквами, служащими для связи обитателям Лимба. – Скоро за мной прилетит мой друг. Он – серафим, он умеет исцелять.

– Ничего себе у тебя друзья, – Генри округляет глаза. – Ты страж, значит, работаешь на втором слое Лимба. Кого попало на наш слой не пускают, жалеют. Значит, грешков у тебя хватает. И ты – дружишь с серафимом? У них же нимбы жмут и аллергия на "грязных грешников". А он точно тебя не хочет?

– Он мой друг, – упрямо бормочу я. Вспылить бы, рассердиться, потому что не его это дело, а мне не можется.

– Так все-таки как тебя зовут, птичка? – повторяет Генри, переставая донимать меня вопросами о моей дружбе с Джо. – Позволь мне запомнить имя девушки, которая еще умеет искренне сочувствовать. В Страже Полей, да и вообще в Лимбе с такими персонажами большой дефицит, знаешь ли. Здесь все такие эгоцентрики...

– Сказало исчадие ада, – вполголоса цедит за моей спиной Айвен, – Хартман, не коси под святошу, а то меня стошнит.

Генри делает вид, что ничего не слышит, продолжая глядеть на меня с выжидающим интересом.

Я все-таки осторожно кошусь в сторону второго демона, вижу только русые волосы, рассыпанные по плечам, и жесткое лицо с острым подбородком и

жестким прищуром. От этого демона почему-то мороз по коже идет.

– Агата, – вновь поворачиваясь к Генри, все-таки я произношу свое имя вслух, почему-то неловко краснею, а потом вообще зачем-то добавляю: – Агата Виндроуз.

Демон некоторое время молчит, будто пробуя мое имя на вкус.

– Забавно, – наконец тянет он. – Агата Виндроуз. Роза добрых ветров?* Принесешь мне удачу, птичка?

– Она тебе свою воду отдала, – раздраженно шипит Айвен. – Вот тебе и удача, Хартман. Чего ты там еще хотел? Забуди!

– Увы, но да, придется, – тихо вздыхает Генри и затихает. Смотрит даже не на меня, а в небо. И выражение лица у него довольно невеселое. Он покусывает губы, и, когда я приглядываюсь, замечаю, что его тело мелко вздрагивает. Он по-прежнему чувствует боль от соприкосновения с крестом, хотя мастерски это подавляет.

– Сколько ты распят? – невесть зачем спрашиваю я.

– Семьдесят восемь лет, четыре месяца и двадцать два дня, – эхом откликается Генри. – Хотел бы предъявить подсчет часов и минут, но тут я регулярно сбиваюсь.

Семьдесят восемь лет... Я тут пять минут на его кресте полежала и уже передергивает от воспоминания, а он на нем столько лет жарится...

– Можно, я о тебе помолюсь? – тихо спрашиваю я, а потом слегка краснею. Надо мной регулярно подтрунивают на тему моей любви к молитвам. Молись, мол, не молись – а Небеса закрывают кредитные счета только тем, кто занимается делом. А как же может отнестись к этому демон, сосланный в Горящие Земли? Только высмеет в своей ехидной манере.

– Что-что вы тут собрались сделать, мисс Виндроуз? – раздается суховатый голос Артура Пейтона за моей спиной.

Ой-ой-ой... А его-то как сюда принесло?

3. Субординация? Не сегодня!

Они стоят за моей спиной, Артур и Джон. Я не слышала, как они прилетели, впрочем, с архангелами и серафимами всегда так. Если они не хотят, чтобы грешники их замечали, как ты ни старайся, ты их не увидишь и не услышишь. Вот если архангел соизволит, вот тогда ты и услышишь и его голос, и шум его крыльев. Но только если соизволит.

Артур разглядывает меня со скептическим любопытством. Будто насекомое для коллекции изучает, пытаюсь понять, ценный перед ним экземпляр или обычный колорадский жук.

– Вы вышли на дежурство не в форме, мисс Виндроуз? – ядовито уточняет он. – Смею поинтересоваться, это что же за апокалипсис у вас вдруг случился? Демоны сожрали вашу форму? И ваши мозги заодно?

Я с некоторым смущением кошусь на собственные джинсовые шорты и мну в пальцах край майки. Я не ожидала, что у меня случится такой казус.

– В форме очень жарко на этом слое, – не очень решительно произношу я. Я ведь не готовила оправданий, думала, что, раз уж меня назначили сегодня на одиночное дежурство, никто на меня не наябедничает, а вот. Никому даже и не пришлось.

– Мисс Виндроуз, – Артур закатывает глаза, – сдаётся мне, вы проспали половину инструктажей. Вам же объясняли, многие демоны этого слоя даже не из вашего чудесного двадцать первого века. И сейчас здесь вы почти голышом стоите и чешете в распятих похоть. Потому что вам жарко. Вводите в искушение.

Я смущённо впиваюсь пальцами в ремень рюкзака из-под провианта. То ли я действительно это проспала, то ли нас не об этом инструктировали. Скорей всего, проспала...

– Да брось, Арчи, – кашляет из-за моей спины Генри, – я тут самый старый, и мисс выглядит весьма невинно. Крест, знаешь ли, хорошо прижигает плотские порывы. Ну и видел я дамочек пообнаженнее.

Удивительное заступничество, на самом деле. Ужасно неожиданное со стороны демона, даже мистер Пейтон чуть меняется в лице, но меня это не спасает.

– Будете оштрафованы, мисс Виндроуз, – безжалостно припечатывает Артур. Ну, ничего иного я от него и не ждала, откровенно говоря.

А ведь я просто надеялась провести эту смену и не заработать теплового удара. Эх!

– Роза, – Джон шагает ко мне, разряжая обстановку. – Что случилось?

– У меня крыло рассеялось, – я говорю тихо, надеясь, что мистер Пейтон меня не услышит, но тщетны мои надежды. Мой босс слышит все.

– Возмутительная халатность, – качает головой Артур, всем своим видом выражая недовольство. – А я ведь предполагал, что рекомендация мистера Миллера не отражает вашей готовности к дежурствам в Поле, мисс Виндроуз.

– Артур, брось, – Джо позволено не соблюдать субординацию в отличие от меня. – Со всеми нами случаются ошибки. Агата очень старается. Я тебе говорил.

– Дальше твоих слов, Джон, пока что дело не заходит, – траурно возвещает мистер Пейтон, а потом смотрит на упавший крест.

– Ваш подвиг, мисс Виндроуз? – меланхолично интересуется он тоном "в жизни не видел такого косячного работника".

Я киваю, отчаянно пытаюсь не сутулиться и не опускать глаза, чтобы не выглядеть жалко.

– Потрясающе, – Артур закатывает глаза, красноречиво смотрит на Джона, выражением лица спрашивая: "И что ты там говорил? Кто тут старается?"

– Извини, – шепчет Джо, – я сдавал отчёт по работе штрафного отдела, когда ты прислала вызов, не смог объяснить Артуру, что сам справлюсь с этим ЧП.

Ничего удивительного, дотошный мистер Пейтон никогда не упускал повод прищучить всяких недотеп вроде меня.

Штраф будет грандиозный. Даже не исключено, что не только сведет в ноль мой сегодняшний выход на работу, но и неделю придется работать, чтобы ликвидировать эту задолженность. Столько промахов за один день – это перебор.

Впрочем, Джон все равно мне ободряюще улыбается. Он отстаивает меня перед Артуром очень упорно, лишний раз доказывая, что не зря я считаю его своим лучшим другом.

– Розы, не шевелись, – произносит Джон негромко, касаясь моего крыла засиявшими исцеляющими ладонями. Боль исчезает постепенно, будто ее и не было. Как только исчезают последние ее отголоски, у меня появляется возможность рассеять крыло. Материализую чуть позже.

– Спасибо, – тихо шепчу я.

– Ерунда, – хмыкает мой друг с теплой улыбкой.

– Здравствуй, Хартман, – суховато произносит Артур тем временем, обращаясь к демону. – Ты сегодня помалкиваешь? Неужели Небеса смогли наконец-то прожечь тебя?

– Здравствую твоими молитвами, Арчи, – демон отзывается с отчетливой иронией в голосе. – Ты знаешь, я всегда рад поболтать. Кто там с тобой? Миллер? Бог свидетель, по нему я скучал сильнее всего.

Если в голосе Артура звучал только скепсис, Генри же, напротив, разговаривал с нарочитой развязностью. У него явно с Артуром много общих счетов. И, кажется, с Джоном тоже...

Артур раздраженно кривится, вздыхает и поднимает ладонь.

Артур Пейтон – Орудие Небес, архангел, который имеет право карать грешников по своему усмотрению. За ним мощь святой земли, ему подчиняется сталь оков, ему подчиняется камень, песок... Короче говоря, ему подчиняется очень многое.

Демоны покидают микрорайон Лондона, в котором появился Артур, быстрее, чем успевают учуять его запах. Впрочем, это им не очень помогает. От Артура убежать сложно. Лишь одно мешает ему заниматься карательными операциями – от него наносится урон и миру смертных, а это недопустимо никогда, кроме исключительных случаев. Задержание особенно сильного демона, например.

Крест Генри поднимается в воздух, под его основанием расступается сухая земля, выжженная местным солнцем. Я успеваю заметить, как пробегает по лицу демона болезненная гримаса, но он ловит мой взгляд и чуть кривит губы. Мол, ерунда, птаха, я вытерплю.

Мне снова до колик его жаль. Я знаю, что три полных кольца вокруг демонической звезды – это огромный послужной список грехов. Но мне все равно почему-то ужасно не хочется оставлять его тут, наедине с одной лишь болью и тишиной.

– Идемте, – без особого веселья в голосе произносит Артур, поворачиваясь ко мне и Джону. – О своей ошибке объяснительную подадите мне вечером, мисс Виндроуз.

– Пойдем, Роза, ты должна отдохнуть, – Джон настойчиво сжимает мою ладонь, а я впервые за год в Лимбе хочу вырвать свои пальцы из его хватки.

Сейчас он уведет меня прочь, а я даже не попрощалась с Генри.

А демон сейчас смотрит на меня тяжелым, горьким, насмешливым взглядом, запрокинув голову, касаясь рыжим затылком креста, будто нарочно делая себе больно у меня на глазах. И что-то было безумно неприятное в том, что я ухожу, а он остается тут. Настолько неправильное, что все-таки я не выдерживаю.

– Подождите, – отважно выдыхаю я, чтобы не растерять отвагу по пути. – Я хочу помолиться за Генри.

У Джона отвисает челюсть. Артур... Артур и так-то по жизни выглядит как смертельно задолбавшийся от всего происходящего человек. А сейчас, кажется, пытается припомнить – на кой черт он вообще вписался в этот божественный промысел и связался с этими долбанутыми смертными грешниками.

– Что вы хотите? – медленно произносит он, тоном давая мне шанс передумать. А мне, как иногда в спорах с отцом, хочется топнуть ногой, потому что я права.

– Я хочу помолиться, – с напором отвечаю я. – За Генри.

– Агата, лучше не нарывайся, – произносит за моей спиной Генри. Засранец. Ну это же в его интересах. Так же, как и у святой воды, у молитвы о милосердии должен быть эффект, ослабляющий силу наказания. Хотя бы временно. Ну так мне кажется.

– Поправьте меня, если я вдруг ошибаюсь, мисс Виндроуз. Вы вправду собрались молиться? За исчадие ада? – Артур поднимает бровь. Обычно это действует безотказно, всегда внушает всем его подчиненным лишь трепет. А меня сейчас этот немой укор бесит еще сильнее. Почему на меня смотрят так, будто я попросила внеочередной отгул?

– Вы не ошиблись, мистер Пейтон, – я упрямо задираю подбородок. – Я хочу помолиться. За исчадие ада.

– Мотивацию, я полагаю, лучше не спрашивать? – едко уточняет Артур. – Мисс Виндроуз, вы настолько без мозгов, что увлеклись этим... Хартманом? Играете с Небесами из-за того лишь, что этот кретин шевельнул в вас похоть?

– Да как вы смеете... – у меня аж горло сводит от возмущения. Как вообще можно равнять сочувствие с банальным влечением?

– Артур, ты правда перегибаешь, – ледяным тоном замечает Джон. – Агата, конечно, сейчас не права, но ты...

– Я бы не рекомендовал вам вмешиваться, младший архангел Миллер, – чеканит голосом Артур, не давая Джону договорить. – Вот в ваших чувствах к этой леди я не сомневаюсь абсолютно. В некоторых случаях я закрываю глаза на такие

явления, но сейчас... Не вмешивайтесь.

Лицо Джона сводит от ярости. Он обычно так спокоен, а сейчас... И эти красные пятна на скулах... Его обвинили в предвзятости, в каких-то чрезмерных чувствах ко мне. Нет, надо будет поговорить с ним позже, но сейчас, увы, не до этого.

Судя по лицу Артура, он почти готов уволочь меня отсюда силой, прихватив если не за ухо, то хотя бы за шкурку.

– А знаете что, мистер Пейтон, – отстраненно замечаю я. – Я ведь не спрашиваю вашего разрешения. На молитву вообще не нужно ничего разрешения. Можете вклеить мне выговор. Если хоть в одной нашей инструкции найдете запрет молитв о милосердии к судьбе демона.

И все, больше я ни слова ему не скажу. Я снова разворачиваюсь к кресту Генри и опускаюсь перед ним на колени, складывая ладони перед грудью.

За моей спиной же такая тишина, что яснее ясного – мистеру Пейтону я окончательно взорвала мозг своими выходками.

– Птаха, не нарывайся на неприятности, – тихо произносит Генри. – Я оценил, правда, ты удивительно чокнутая, но не надо. Тебе потом и правда прилетит выговор, к нормальной работе еще пару месяцев не подпустят...

– Ты помолчать можешь некоторое время? – я бросаю на него недовольный взгляд из-под опущенных ресниц, а потом пытаюсь собраться с мыслями. Молитва о милосердии к грехам. Никогда не думала, что она мне пригодится, но в смертной жизни отец заставил меня выучить весь молитвенник на зубок.

– Я попробую, – тихо вздыхает демон, глядя на меня все с тем же изумленным любопытством.

Я ожидала, что Артур или Джон остановят меня, но видимо... Видимо, они понимают, что увести меня сейчас отсюда можно только силком.

Мне жаль Генри. Очень жаль, вот правда. О нем говорят как о ком-то страшном, а я видела человека, которого плотно обнимали его прошлые грехи. Который

может и смог бы стать кем-то другим, но в него больше никто не верил. Он не причинил мне вреда, хотя мог бы, не оскорбил, да и вообще – кажется, сочувствовал, даже не вспоминая, что из-за меня ему сегодня пришлось худо. Такой ли он плохой, что не достоин даже простой молитвы?

Нет, не такой.

Именно поэтому я шепчу сейчас фразу за фразой, слово за словом, и никак не могу остановиться. Мне довелось лишь раз соприкоснуться с его крестом— и вся моя душа содрогнулась при этом воспоминании. А он прикован к кресту уже не первый десяток лет. Будь моя воля – я бы хотела сделать хоть что-то, что помогло бы ему оказаться освобожденным. Ему и всем им, обреченным на высшую меру, по одной лишь причине, что больше никак Лимб не может помешать им вредить другим.

Но я же знаю – амнистии только для слабых демонов. Сильных – исчадий ада, отродий, демонов похоти спасти невозможно. И все, что я могу, – это умолять небеса о милосердии, задыхаясь от собственной настойчивости, не замечая бегущих по щекам слез.

В голове гудит, когда я наконец нахожу в себе силы замолчать и открываю глаза. Генри смотрит на меня печальным взглядом и не говорит ни слова. Как бы то ни было, еще чуть-чуть – и мне придется уйти, оставив его тут в одиночестве в компании с его приговором, но я могу ему дать сейчас лишь только свою молитву.

Крылья материализуются за спиной по моей воле. Материализуются и толкают меня в воздух над крестом Генри. Он поднимает голову, смотрит мне в лицо удивленными янтарными глазами. Я же – чуть подаюсь вперед, настолько близко, чтоб коснуться его влажного от пота лба своими губами. В эту секунду я не боюсь боли, что грозит мне, соприкоснись я с крестом хоть кончиком крыла. Я готова принять это наказание, это малая плата за возможность приободрить этого демона.

– Держись, – шепчу я, ловя растерянный взгляд Генри.

А затем его оковы размыкаются, и демон падает на землю.

4. Свободный, голодный, демон!

Первые секунд пятнадцать Генриха окружает блаженная тишина. Молчат все – Пейтон, Миллер, девчонка... А Генрих лежит на земле неподвижно, пластом, не шевелясь ни единым мускулом. Наслаждаясь каждой секундой полного вкуса собственного чутья.

Свобода? Настоящая? Не сон? Не пустая греза, привидевшаяся в чутком болезненном забытьи?

Свобода... Её ни с чем нельзя перепутать. Больше не впиваются в кожу спины раскаленные зубы гнева Небес, в крови просыпается демоническая сила, а чутье с каждым вдохом начинает нести все больше информации. Кажется, им можно ощупать все на десять футов вокруг.

– Ах ты ж... – Из рта Пейтона на свет рождается такое замысловатое ругательство, что Генриху даже удивительно, что этот занудный святоша в принципе знает такие слова. Небеса, по идее, должны его за такое вот покарать немедленно. Молнией по макушке. Ну демону бы за такое точно бы досталось, а архангелам, видимо, полагаются скидки.

Артур и без молнии приходит в себя быстрее всех, земля вдруг начинает мелко дрожать. За спиной Генриха с сухим неприятным звуком выворачивается из земли его крест, выворачивается, поднимается в воздух, едва не задев уже усевшегося на корточки демона по голове.

– Сэр... – с небес доносится встревоженный голос девчонки. Генрих с удовольствием бы сейчас поразмышлял о ней, о произошедшем с ним, но, увы, Пейтон не дает ему времени на это. Дураку ясно, что Пейтон собирается вернуть Генриха на крест. А Генрих категорически не собирается на этот крест возвращаться.

Вот что угодно хотите, дорогие святоши, а за повторное распятие вам придется подраться.

– Мисс Виндроуз, выше. Взлетайте выше. Не лезьте под удар! – Артур срывается на крик. Такой тревожный, что невозможно не вздрогнуть. Кажется, сейчас Артур боится за девчонку.

За девчонку? Смешно. Из них троих ее Генрих тронет в последнюю очередь. У нее в послужном списке есть заслуги перед ним, в конце концов. Хотя пахнет она вкусно. Но в принципе, вопреки горьковатому тону запаха, характерному тем, кто при жизни совершил смертный грех – девчонка была удивительно искренна в своих чувствах, и это сказывалось на свежести ее запаха. Среди святой Стражи такие попадались нечасто.

На нижних слоях Лимба, где собирались люди с небольшими греховными кредитами – еще да, а среди грешной Стражи верхнего слоя – крайне редко. Слишком много греха у них было в смертной жизни.

Тело Генриха живет инстинктами – само шарахается от обрушенного Артуром на голову демона креста.

Святоша!

Ничем не гнушается ведь. Совершенно ничем. Бить демона опостылевшим ему до смерти распятием – это ли не омерзительный ход? Хотя и сильно деморализует, конечно...

Генрих рычит, заставляя тело перейти в боевую форму. Так лучше, гораздо защищеннее. Солнечный свет давит, разумеется, но демоническая оболочка – это чистый грех. Насохший на тебя, заскорузлый, ставший твоей частью и твоей шкурой. Солнце может давить сколько хочет, той твари, что сейчас заплясала по песку Холма Исчадий, плевать.

– Вы не можете приковать его снова, – раздается с небес возглас девчонки.

О Небеса, что в голове у этой безумной птицы? А Генрих предполагал, что смерть исцеляет от безумия и прочих душевных недугов. Но нет. Кажется, есть одна чокнутая в Лимбе. В том и веселье, что именно Генриха приковать снова могут. Должны.

Исчадие ада? Освобожденное от наказания? Да кто в такое поверит? Никаких перспектив у Генриха не имеется. Либо крест, либо смертный мир, в котором придется уйти глубоко на дно.

– Замолчите, Агата, – рычит Артур, а потом снова роняет распятие на Генриха. – Сообщите Святой Страже о побеге исчадия, пусть соберут Триумвират, не теряйте время! Сделайте хоть что-нибудь как надо!

Дельный совет, на самом деле. Если размышлять с точки зрения Пейтона.

Демон уходит от удара распятием простым перекатом по сухому песку. Вскakiвает на ноги одним мгновенным пружинящим движением.

Демон с размаха бьет по оружию Артура – своему собственному кресту – своими огромными лапами. Крест раскалывается сначала на два куска, а потом разлетается в щепки, пока Генрих с остервенением месит дерево тяжелыми ударами когтей. Нет ничего в его посмертии, что он ненавидит сильнее, чем эту проклятую штуковину.

Да, он ее заслужил – каждую каплю той боли на распятии, но... Но он все равно ненавидит свой крест. Самой лютой ненавистью, которой можно захлебнуться. И в каждом ударе Генриха – его ярость, его боль, его желание насладиться неожиданной свободой. Вырвать у Небес каждый ее глоток.

Разбив крест в древесную щепу, Генрих бросается на Артура. Как хорошо быть собой – сильным, быстрым, на несколько шагов вперед опережающим этих крылатых клуш. Пейтон силен, Пейтон быстр, но он – архангел, а Генрих – исчадие. Самое сильное исчадие ада на Холмах. Во время вынесения приговора даже обсуждали, что, может быть, не стоит с ним церемониться, классифицировать его как “дьявола” и отправить в ад сразу же, без реверансов. Нет, решили все-таки “смягчить наказание”. Интересно, если Поле Распятый – не ад, то что может быть еще хуже, а?

Артур бьется. Ему не мешает то, что Генри уничтожил крест. Он может управлять и щепками, и пылью, но его удары потеряли в уроне, это ощущается. Да и сейчас Генриха уже не накрыть крестом, не стянуть на его запястьях полосы святой стали.

Артур силен, но не может Генриху много противопоставить. Генриха зажимали пятеро Орудий Небес разом и при этом одно Орудие они все-таки потеряли.

А что у Пейтона есть сейчас? Он один. Миллер давно ослаб, уже даже не Орудие, растерял всю свою веру после потери Сессиль. Сейчас Генрих даже не обращает на него внимания, петляет вокруг Пейтона, уворачивается от ударов облаком мелких земельных частиц, тянется, чтобы лишний раз протянуть Пейтона когтями. Миллером можно заняться потом. Оставить на десерт.

Архангел отбивается, разумеется, но один раз спину от когтей Генриха он уже прикрыть не смог. По лопаткам протянулась глубокая борозда, рубашка Пейтона начинает пропитываться его же кровью. Это значит, что в его кровь сейчас проникает демонический яд. Разумеется, у архангелов выше сопротивляемость, но архангелы – в прошлом тоже грешники. И их есть чему отравлять, чем ослаблять.

И какое все-таки счастье, что этот слой закрыт для внешних перемещений. Пейтон не может призвать свою Орудийную братию.

Впрочем, Пейтон сдаваться не собирается и сам. Артур поднимает ладони, заставляя частицы пыли собраться воедино, формируя из них тяжелый стальной молот на длинной ручке. Огромный. Он кажется игрушечным, до того легко Артур держит его в своих ладонях. Ох-хо. Как давно Генрих не видел Молот Небес – эту небесную цацку Артура. И лучше бы не видел и сейчас.

– Ты не выйдешь с этого слоя, Хартман, – сухо произносит Артур, и последние нити святой стали, облетающие рукоять его молота, заканчивают движение. – Слой закрыт, ключи сдаются на пропускных пунктах. Тебе не сбежать.

– А я попробую, – раскатисто рычит демон и вновь бросается в бой.

Если бы Генриху порекомендовали когда-нибудь “выпустить на волю своего демона”, он бы долго и громко хохотал. Ему не нужно никого никуда выпускать. Исчадие ада – это не настроение, это весь мир, выстроенный вокруг одного только голода и чутья. Одна только страсть – охота, охота, охота, а в конце – долгожданная трапеза.

Орудие Небес? Архангел? Вкуснятина! Дайте два!

Один раз Генрих уже употребил душу Орудия, после этого получил одну из высших демонических меток – черные крылья, которые мог материализовывать даже в человеческой форме.

Получить еще один глоток такого могущества он точно не откажется. Тем более когда на кону его свобода. Только вырваться из Лимба, из этого проклятого Чистилища, где точно нет места таким закоренелым грешникам, добраться до смертного мира и затеряться уже там, в какой-нибудь глуши, где нет столько Орудий Небес, сколько в Лондоне.

Бросок, кувырок. Бросок-удар. Бросок-нырок. Бросок-удар-удар.

Генрих теснит Пейтона. Даже вооруженного Артура Пейтона, прекрасно обращающегося и со своей силой, и со своим оружием. Пейтон вообще крайне искусен в сражении, недаром считается самым грозным бойцом потусторонней Англии на службе у Небес. Но даже так Артур проигрывает. И все-таки вопреки искусству своего соперника, Генрих теснит старейшего из архангелов.

Демон уворачивается, демон почти пляшет, выдерживает те скользящие удары молота, от которых не удастся уйти, снова и снова бросается на Артура, снова и снова протягивает его когтями.

В конце концов падает и Артур. Падает ничком, и не поднимается – яда демона в его крови, видимо, достаточно, чтобы не иметь на это сил. И его грозный молот рассыпается пылью, потому что Пейтон теряет сознание.

– Ergo draco maledicte... – раздается возглас из-за спины.

Третье слово экзорцизма ввинчивается Генриху в череп раскаленным сверлом.

Миллер! Как он про него забыл? Про Миллера-то! Про того, кого ему забывать нельзя ни в коем случае, ведь именно к Джону Миллеру у Генриха больше всего неоплаченных счетов.

В пылу драки Артура и Генриха Миллер решил не мешать. И то верно, он ведь сейчас ни на что не годится. Силу Орудия Небес он подрастерял.

Хотя экзорцизм у крылатого ублюдка сильнейший, Миллер обладает такой силой веры, что может выжигать экзорцизмом демону мысли с самых первых слов молитвы.

От экзорцизма демон слепнет, от экзорцизма демон глохнет, и вообще вся его сущность наполняется болью и слабостью, но для этого нужно все-таки быть не настолько пораженным грехом, как Генрих Хартман.

Генрих разворачивается к Миллеру одним прыжком и ныряет в сторону, уворачиваясь от сверкнувшего лезвия пылающего серафимьего меча. Клинок воли, что является своему хозяину по первому зову. Всему белокрылому полку выдают такие. И именно Миллер обучает молодых серафимов обращаться с этим оружием, являющимся по одному только мысленному призыву. Миллер – искусный фехтовальщик, нужно признать. Не Орудие Небес, но противник опасный.

– Джо, осторожно... – надо же, а девчонка-то все еще не улетела, и в ее возгласе сейчас пронзительная тревога. Она не боится за себя. Она боится за этого блондинистого щенка. И Генриху хочется угробить этого святошу еще сильнее, чем раньше.

Вот почему? Почему любая женщина, которая попадает на его пути, связана с проклятым Миллером? И эта поди влюблена в щенячьи проникновенные глазки этого ублюдка, то-то не хотела отвечать – не хочет ли ее дружок-серафим.

Это неприятно. Необъяснимо почему, но неприятно. Весьма!

– Роза, улетай, – хрипло рявкает Миллер. – Немедленно улетай, приведи Триумвират. Тебе здесь не место.

Ох-хо, не будь у Генриха сейчас более важных дел, он бы рассказал девчонке, как много волнения сейчас испытывает этот ее серафимчик. Хочет. Ох как Миллер хочет эту девчонку. Жаль, некогда об этом поболтать, нельзя дать Миллеру продолжить экзорцизм.

Миллер хорошо обращается с клинком, окутанным святым огнем, но серафиму по-прежнему не хватает подвижности. Демон уворачивается от клинка раз за

разом, скачок за скачком. И лапы у него довольно длинные, он просто цепляет когтями по запястью противника, оставляя на нем длинную царапину – и клинок тут же гаснет, потому что рану от когтей демона даже архангелы быстро исцелить не могут. А держать тяжелый меч в распоротой руке очень сложно.

А затем – затем Генрих наносит один удар. Такой силы, что в небе вскрикивает девчонка, а Миллер отлетает назад, прикладывается затылком о черное дерево. Одно из редких деревьев на Холме исчадий. За семьдесят восемь лет заключения Генрих пересчитал на этом дереве все видимые ему сучки и развилки ветвей. Он сейчас этому дереву даже сочувствует, ведь затылок у Миллера чугунный, под стать его головенке.

Демоны сильнее душ, что в Лимбе служат на побегушках у Небес. Всех их, начиная с младших ангелов, иногда превосходя в силе и серафимов, и архангелов. Иногда.

Беда в том, что Небеса видят, когда ты становишься слишком силен. Небеса видят и дарят Лимбу еще одно Орудие. И еще одно. И еще... Столько, сколько нужно, чтобы добраться до тебя и пообломать твои демонические рога.

Поймать, сковать и распять.

А может – отправить в ад, если уж Гнев Небес не может тебя пронять.

Генриху некуда бежать. Он не исключает, что его ждет ад вместо распятия, и туда он не хочет тоже. И на крест больше не хочет.

Миллер сдавленно стонет от удара, пытается встать, пытается призвать свой Дар – Генрих видит это по выражению лица – но нет, у него не получается. Он не верит в себя. И это прекрасно.

– Растерял свой огонек, да, Миллер? – ехидно шипит Генрих, подцепляя когтями миллерову рубашку и поднимая серафима в воздух.

– Небеса не дадут тебе уйти, Хартман, – отчаянно вскрикивает серафим. – Ты это прекрасно знаешь. Ты ломаешь одно Орудие – Небеса достают два.

– Я буду ломать вас по очереди, если это цена моей свободы, – выдыхает Генрих, примеряясь зубами для укуса.

Душа Миллера... Сколько лет он ждал этого момента?

Вечность. Вечность ради этой секунды мести! Он и не ждал ее сейчас, он и не грезил, ему была нужна только свобода. А тут...

Генрих смотрит на Миллера, втягивая носом воздух. Вся демоническая сущность дрожит, ревет, хочет приложиться к душе серафима немедленно, отравить и самому восстановить силы. Но Генрих медлит, будто уговаривая себя.

Был бы он голоден – все было бы проще. Зубы уже бы впились в горло или плечо Миллера, высасывая силу из его души. Но девчонка... Девчонка с ее пресными лепешками и водой... Весь аппетит испортила, зараза крылатая.

И все-таки выхода нет. Генриху нужна сила сейчас, иначе он не покинет Лимба. Сначала Миллер, потом Пейтон – потом марш-бросок до оцепления, еще одна схватка с одной только целью кражи ключа-жетона, и Лондон... Огромный Лондон, в котором одного конкретного демона искать можно целую вечность.

И нельзя терять время, нужно приступить к трапезе прямо сейчас! Да, именно сейчас! Ни секундой позже...

– Генри! – раздается за спиной голос Агаты, этой безумной девчонки-Стража...

– Генри! – Чуткий демонический слух улавливает, когда ноги девчонки-Стража касаются земли. – Генри, ты слышишь меня? Ты должен остановиться.

Должен? Генрих никому ничего не должен, кроме самого себя. Что она ему может предложить? Крест? Восхитительная альтернатива, только Генрих все никак не может начать восхищаться. Не заманчиво.

И все-таки исчадие ада не шевелится, не торопясь вливаться в душу Миллера. Хрипло дышит, топорщит уши на голове. Высосать ублюдка он всегда успеет. И девчонку. И Пейтона. Всех их. Ни один из троих идиотов не додумался вызвать подмогу. Так какая разница? Можно и послушать пару минут.

Генрих разворачивается к ней, швыряет Миллера к ее ногам, прижимает его к земле тяжелой огромной лапой. Лицом в землю, чтобы ублюдок не смел зачитать экзорцизм.

Агата... Она ведь может тоже его прочитать...

Ну по крайней мере начать она успеет. А потом Генрих ринется и на нее, и от ее слабенькой смертной душонки ничего не останется за пару мгновений. И пусть потом возьмется, собирая клочки ее души, чтобы возродить ее лет через десять.

Девчонка смотрит на Генриха и молчит.

Самое парадоксальное – она его не боится.

Над ней нависает черная огромная махина, сплошь состоящая из мышц, покрытая блестящей чешуей. На лапах – а назвать эти лопаты руками язык не поворачивается – длинные пальцы, заканчивающиеся длинными кривыми когтями. Вытянутая морда, чем-то смахивающая на морду лошади, рога между прижатыми к загривку острыми ушами. Длиннющий хвост бьет по земле. И зубы... Огромные хищные зубы, с которых капает на землю токсичная слюна. Пара таких капель – и девчонка окажется в Лазарете. И пробудет там очень-очень долго.

А Агата не боится! Даже не думает. Смотрит на Генриха, моргая через раз. И нет, ее сердечко не трепещет абсолютно. Странная птица. Очень странная птица. Как ее, такую блаженную, вообще занесло в Лимб, да еще на слой к лютым грешникам-Стражам?

Генрих шагает вперед, оставляя Миллера где-то рядом со своим хвостом, легко толкает девчонку в грудь тяжелой лапой, опрокидывая ее на землю, нависая над ней.

Морда демона в паре дюймов от ее лица. Ноздри жадно трепещут, пытаются вобрать в себя как можно больше ее запаха.

Ну же, малышка, давай, хоть глоточек страха! Давай, дай повод тебя атаковать. Открой свой ротик и начни молиться.

Она молчит. Не двигается. А потом легко протягивает ладонь и скользит пальцами по морде демона. Это уже вне всяких рамок.

– Ты дура? – рычит Генрих ей в лицо. – Зачем ты лезешь ко мне? К исчадию ада!

– Я молилась за тебя, – с легкой улыбкой отзывается Агата. – Дура ли я? Знаешь, давай у мистера Пейтона спросим, он, кажется, более компетентен в этом вопросе.

Серьезно? Она серьезно смеется, глядя ему в глаза? Что у этой дурочки с мозгами? Отморожены?

– Я понимаю, что ты боишься, – тихо шепчет девушка, совершенно заходя за границу приемлемого. – Знаю, что ничего хорошего ты от нас не ждешь. Но все-таки, Генри, не все так плохо. Тебе не обязательно драться. Слышишь?

– Какой у меня выбор? – огрызается Генрих. – Исчадиям не положена амнистия.

– Я не знаю, что положено исчадиям, – осторожно произносит Агата, не отводя взгляда, – но в кодексе Святой Стражи сказано, что тот, кто сошел с распятия, на него не возвращается, пока снова не сдастся голоду. Тебе полагается испытательный срок.

Это смешно. Это настолько смешно, что даже тошно.

– Я – исчадие, – рычит Генрих. – Ни черта мне не полагается. Иначе бы Пейтон меня не атаковал.

– Кто с креста сошел – тот веры достоин, – уверенно качает головой девчонка. – Пока ты не совершил однозначный грех, пока не сбежал в смертный мир – Небеса в тебя верят. Я не знаю, почему Артур и Джон на тебя бросились. Может быть, это они допустили ошибку?

Она говорит чушь. Она говорит однозначную чушь. Не может быть такого. Уж святоша-то Пейтон лучше прочих знает законы. Чтобы он и допустил ошибку?

– Покажись мне, Генри, – умоляюще просит Агата. – Покажись мне тем, за кого я молилась. Сделай шаг от демона. Хотя бы один. Его будет достаточно, правда. Я буду стоять за тебя, клянусь. Я не дам им без суда распять тебя снова. Веришь мне?

Ее голос странным образом чарует. Мягкий, нежный, проникновенный. Полный незамутненной искренности. Верить ей? Как? Она на всю голову чокнутая. Это же очевидно. Никто в здравом уме не будет смотреть в глаза исчадию и просить его остановиться.

И что она может? Как она не даст архангелам вновь привести приговор Генриха в исполнение? Она младший Страж, смертная с незакрытым кредитом грехов, даже не серафим. Кто она такая, чтобы спорить с Волей Небес, Святым Триумвиратом Орудий.

Он сбрасывает боевую форму, снова обращаясь в человека, смотрит в теплые карие глаза девчонки, смотрит, как они радостно вспыхивают. Она понимает его неправильно. И ох как нехорошо с его стороны так вводить в заблуждение именно Агату.

Но не жрать же эту дурочку, в конце концов... Не ее, накормившую его, отдавшую ему свою воду, освободившую его, наконец.

Генрих неловко качает головой, и прядь его волос падает с плеча вниз, задевая девчонку по лицу. Она вздрагивает и начинает краснеть, и Генрих ощущает то неловкое смущение, что топит Агату все сильнее.

Ну ничего удивительного в этом нет. В Агате Виндроуз же видно скромницу, даже очков надевать не надо, зря Пейтон прохаживался по ее одежде. Девчонка не только выглядит весьма невинно, но и, в принципе, оставляет ощущение некого соприкосновения с целомудренностью. Девственницей смертную жизнь окончила, не иначе.

Генрих касается ее щеки. Агата едва заметно вздрагивает. И сердце ее начинает частить. Нежная какая девочка...

Влечение любым демоном чутется быстро. Потому что самый простой способ утоления демонического голода – это утоление похоти. Вот только Агату к

Генриху сейчас не влечет, она сейчас его в основном боится. Странно. В демонической форме не боялась. И на кресте она его не боялась, и вполне себе палилась.

– Ты спрашивала, верю ли я тебе, да? – мягко спрашивает Генрих, глядя в растерянные глаза напуганной его близостью Агаты.

Девушка торопливо кивает.

– Знаешь, птаха, я был бы очень рад поверить, – тихо выдыхает Генрих. – Вот только я правду знаю. Так что... Прости...

Она дергается, кажется, до нее доходит, что ничего хорошего за этими его словами не кроется, вот только даже в человеческой форме она Генриху ничего противопоставить не может.

Генрих наваливается на нее, прижимает к земле, а сам вгоняет трансформированный демонический коготь девчонке под ребро.

На когтях тоже яд. Не такой токсичный, как на зубах, и Агата не серафим, не архангел, ее душе много не надо, чтобы ослабнуть. Но этот яд слабый, его исцелят быстро. И только этим Генрих и успокаивается. Ведь оправдываться ему нечем.

– Прости, прости, прости, малышка, – с искренней горечью шепчет Генрих, ощущая, как выгибается от боли, а потом обмякает тело девушки. Смотреть, как закрываются ее глаза, нет сил.

Ведь она, именно она, обошлась с ним настолько милосердно, насколько он вообще не заслуживал. И кажется, след от прикосновения ее губ к его лбу начинает укоризненно пылать.

И будь у него хоть какой-то шанс, он бы сделал все для девушки, снявшей его с креста. Вот только его правда была довольно однозначная.

Он – исчадие ада.

Таким, как он, амнистия не полагается.

А сейчас... Сейчас нужно торопиться.

Святоша Пейтон в отключке долго не пробудет.

5. Коза отпущения

Я прихожу в себя и ословело смотрю в белый потолок лазарета. М-м-м, какие радужные перед глазами плывут круги, как художница, я, разумеется, в восторге.

А как я...

Я помню “Прости, малышка”, хриплым шепотом выдохнутое мне прямо в ухо.

Я помню тяжесть тела демона, что прижимал меня к земле, не давая вырваться. И страх, которым сводило всю мою душу, всю меня, кажется, даже гортань сводило судорогой ужаса.

И боль под ребрами, справа, я тоже помню.

Он меня отравил? Генри?

Честно говоря, первый раз меня травил демон. Говорят, что чем сильнее демон, тем дольше потом отходишь после отравления, дольше восстанавливаешься от противной слабости.

А еще от яда демона начинает чесаться противное желание поступать неправильно. Грешить.

Хотя сейчас, пока я лежу и смотрю в белый потолок лазарета, из желания грешить у меня, пожалуй, шевелится только лень. Вообще неохота шевелиться. Хочется закрыть глаза и проспать еще часа три. Или шесть.

На постели я сажусь рывком.

Просто потому, что если это делать медленно – обязательно захочется вернуться на подушку. Это как дернуть пластырь, да. Либо резко, либо никак.

Правда, за резкость меня самочувствие тут же карает, потому что радужных кругов перед глазами становится больше.

Приходится посидеть и подождать, пока в голове перестанет звенеть, пока сквозь этот цветной туман начинает проступать контур окружающего меня мира.

Зал Лазарета сумрачен, по всей видимости, уже вечер. Зал – общий, сюда стаскивают всех отравленных слегка, чтобы дежурная сестра милосердия (ну или брат милосердия, да), отчитывая исцеляющую молитву, действовала сразу на всех. Я – все в тех же “не форменных” шортах и топе, в которых и выходила на свое “дежурство”.

И... Ну не то чтобы я не знала, что отравленных демонами работников действительно много – те, кто работал на сборе душ и на задержании демонов, регулярно попадали сюда, но... Как-то вокруг меня много народу на койках лежит...

Медсестра, что читает молитву, на меня не отвлекается. У нас тут порядки такие, что, если встал и пошел, значит, можешь и сам разберешься, что тебе делать дальше. Как уже говорилось, умереть второй раз нельзя.

Я шагаю между кроватями и выглядываю Джона. Боже, я боюсь за него сильнее всех прочих, я же помню – Генри хотел истощить его душу, и, если он отравил меня, значит...

Значит, никто и ничто ему в истощении души Джо помешать не мог. Так?

Джона я не вижу. И это лишь усугубляет мою тревогу, потому что это может значить еще и то, что Джона отравили не “слабо”, а истощили совсем, выпили. А значит, он, даже будучи серафимом, от этого восстановится не быстро.

И это из-за меня.

За стойкой дежурного – subtilный паренек, и на бейджике у него написано “Алан Даллас”.

Мне раньше было бы странно, мол, Чистилище и бейджики, но этот мир не отстает от человеческого ни в чем, что касается функциональности. Ну только рекламных экранов тут нет, и то, наверное, потому, что никто не догадался лить на них слоганы, типа “Поработай сегодня – и порадуешься своей кредитной сводке завтра”.

– Алан, здравствуйте, а можно узнать, нет ли среди пациентов серафима Джона Миллера? – быстро тараторю я, потому что вообще-то не особенно люблю отвлекать людей, а у дежурного такой загнанный вид, что его беспокоить попросту жалко.

– Не могу помочь, – без особой охоты откликается Алан, высовываясь из ящичка с карточками, который разбирал, – в этом отделении только работники младших рангов, а по серафимам информацию не дадут ни вам, ни мне. Секретность.

Печально. Значит, для того, чтобы что-то понять, мне нужно добраться до работы? Если меня доставили в Лазарет, то там-то уж точно должны знать, что случилось.

– Жетон можно забрать? – вымученно улыбаюсь я, ощущая лишь новый приступ беспокойства. – Последние цифры номера четырнадцать, двадцать, семьдесят шесть.

– Святая Стража? – Алан ныряет в один из ящиков своего стола. – Много от вас поступило народу вчера. Одних низкоранговых четырнадцать человек. Говорят, сбежал кто-то опасный?

– Ага, – я киваю по инерции, ощущая, как посасывает под ложечкой. Вчера? Я, получается, больше суток тут провалялась.

Генри сбежал. Судя по всему – с концами. И четырнадцать человек... Одних только “низкоранговых”. А сколько тех, кто выше?

И все сильнее, все громче верещит в висках, бьется об стенки моей пустой черепушки мысль: “Агата, что ты натворила?”

Рабочий свой жетон я все-таки забираю. Не тот, который нужен для того, чтобы путешествовать на верхний слой Лимба – об этом в моем состоянии и думать не стоит. Все эти жетоны хранятся только в Департаменте Святой Стражи и никогда не покидают его стен. А для путешествия между слоями необходим простой ключ-жетон работника Чистилища.

Да-да, слоями. Чистилище, по своей сути, напоминает луковицу, и слой с заточенными демонами – это самая сердцевина Лимба.

Зачем кто-то так заморочился, зачем создавал эту странную слоистую структуру нашему миру?

Дело было в Чистилищном солнце, в основном. На разных слоях оно светило по-разному. И по-разному иссушало греховный голод у обитателей слоев. На моем слое – втором по глубине – солнце иногда доводило меня до мигреней. Ну в периоды, когда я основательно искушалась послать всю эту работу к чертовой матери. Такое хоть и редко, но случалось.

Лазарет находился на нижнем слое, потому что отравленных берегли.

И я понимаю почему, потому что стоит только закрыть глаза и сжать между пальцами жетон, ощутить, как бегут по коже теплые волны девяти слоев, которые я пролетаю за девять секунд – и стоять на солнцепеке нашего слоя мне становится тяжело.

Нет, все-таки самым лучшим решением было бы пойти к себе, в мою квартирку в чистилищном общежитии №719 и лечь полежать, и все-таки я материализую крылья, чтобы быстрее добраться до здания нашего Департамента.

Охраной верхнего слоя занимается Святая Стража, и я даже не сомневаюсь, что именно они доставили меня и других пострадавших в Лазарет – они точно в курсе, что случилось с Джоном. И с мистером Пейтоном, конечно. И... Про Генри я тоже хочу узнать все-таки.

Я была уверена, что говорю ему правильные слова.

По крайней мере, в Кодексе Святой Стражи действительно было про “сошедший с креста достоин веры”. Но...

Почему-то же Артур и Джон хотели вернуть Генри на крест...

В нашем Департаменте непривычно тихо. Даже для вечера, точнее, особенно для него, обычно в это время работники возвращаются со своих смен, идут смывать дневные метки, писать отчеты о прошедшем дне.

Сейчас же – да, сдающие смены есть, но как-то очень много.

И, завидев меня, дежурная по приему смены Лили удивленно встряхивает кудрявой русой челкой.

– Агата, разве тебя не доставили в лазарет?

– Привет, – я измученно киваю, – да, я оттуда.

– Так быстро восстановилась? – недоверчиво спрашивает Лили. – Мистер Пейтон оставил прогноз на твое восстановление не раньше чем к концу недели.

– Мистер Пейтон? – у меня нет охоты объяснять то, чего я особенно не понимаю, поэтому я цепляюсь за важную для меня информацию. – Он цел? Восстановился?

– Да-да, полчаса назад вернулся из рейда, – Лили торопливо закивала. – Агата, тут такое творится... Хотя чего я тебе объясняю, ты, должно быть, в курсе.

Я запоминаю слово “рейд”. Потому что до этого дня я ни о каких рейдах, в которые ходил мистер Пейтон, не слышала.

– Честно говоря, не очень я в курсе, – вздыхаю я. – Знаю только, что был амнистирован демон из исчадий.

– Не амнистирован! – Лили качает головой. – Числится сбежавшим. Агата, ну какие амнистии для исчадий, ну ты же знаешь – демонам с двойным кольцом в печати амнистия не полагается. А у исчадий их три.

– Ну с креста же он сошел...

– Ну... – Лили неопределенно пожимает плечами, – он просто очень сильный был, и оковы его не удержали. Так говорят.

– Много пострадавших? – я решаю перевести стрелки. О моем участии в освобождении Генри не сказали? Интересно, это потому что я ни при чем или почему-то еще?

– Четырнадцать младших стражей, три серафима и один архангел, – хмуря темные аккуратные бровки перечисляет Лили. – Отравления легкие, мистер Пейтон сказал, слава богу, что ни одна душа не истощена.

– А Джон, Джон цел? – не удерживаюсь я. Пусть она сказала, что выпитых нет, но все-таки для того, чтобы облегченно вздохнуть – я не откажусь, чтобы она повторила.

– Мистер Миллер? – Лили тут же меняется в лице и крепко грустнеет. – Мистер Миллер был цел, да, но взял неделю отгулов на восстановление. Его доставили в ужасном состоянии. Его отравление было слабее, чем у мистера Пейтона, но и мистер Миллер не архангел...

– Увы, да, – я вздыхаю все же с облегчением. И так, Джо цел, хоть и пострадал.

– Кто там болтает вместо работы, – вдруг раздается над моей головой раздраженный рык мистера Пейтона – и, ей-богу, я впервые слышу от него такой яростный тон.

И вправду живой, уж не знаю, насколько целый, но у меня вроде нет слуховых галлюцинаций. Тем более, что не я одна это слышу.

– Ой, – Лили втягивает голову в плечи и испуганно шепчет мне, – ой, Агата, сейчас нам не поздоровится. Он рвет и мечет со вчерашнего дня.

Ну, скажем честно, наиболее вероятно, что не поздоровится не нам, а лично мне. Есть у меня отчего-то такое смутное ощущение.

– Мисс Виндроуз, – Артур уже успел спуститься на несколько ступеней и сейчас смотрит на меня почти с вершины лестницы, упираясь локтями в её перила, – неужели это вы? Как милосердны Небеса, решившие, что я не вынесу трех дней разлуки с вашим... непрофессионализмом.

Есть ощущение, что вместо слова “непрофессионализм” мистер Пейтон хотел сказать “идиотизм”, но в последний момент воспитание одержало верх.

Но тон все равно такой ядовитый, что дохни сейчас Артур в стакан с водой – и выйдет отравы посильнее мышьяка.

“Надо было, наверное, переодеться”, – запоздало соображаю я. Так и не сменила ведь этих дурацких шорт.

– В мой кабинет, мисс Виндроуз, живо, – отрывисто цедит мистер Пейтон, глядя на меня глазами гепарда, загнавшего в угол свою дичь. Я это ощущаю, даже при том, что между нами метров пять.

Кажется, предчувствия меня не обманули...

Мистер Пейтон с улыбкой голодного людоеда распахивает передо мной дверь, а потом сам же за мной ее и закрывает. Слава богу, не запирает на ключ, а то я уж было подумала, что отсюда мне, если что, и убежать не удастся.

Кабинет Артура Пейтона очень просторный. Тут и рабочая зона, и зона отдыха есть – с креслами и книжной полкой. Кресел даже два, видимо, здесь отдыхает не только сам Артур.

Меня ждут в рабочей, там, где темный стол стоит на темном же ковре.

Небеса миловали, и я как-то не попадала к своему боссу на этот ковер. Почти. Ну, один только раз, когда неверно оформила отчет. И я тогда думала, что он со мной не церемонился. И ох, сейчас я понимаю, что тогда многого не понимала. Меня тогда, юную и неопытную дурочку, пожалели. Сейчас ни о какой пощаде

речи не идет.

– Итак, мисс Виндроуз, – по-опасному мирно выдыхает мистер Пейтон, подходя к своему рабочему столу и усаживаясь за него, – скажите-ка мне для начала, вы вообще умеете действовать по инструкции? Что вы должны были сделать в исключительной ситуации?

Ох, издалека он начинает. И это на самом деле дурной знак. Потому что, если он начал с мелочей, значит, явно настроен разделять меня до последней капли крови.

И стоять под прицелом его разъяренных глаз мне непросто. Особенно в этих дурацких шортах. Черт, и почему мне так не нравилась форма? Идеальный же доспех. Стоишь себе в пиджачке, как в бронежилете.

Все же я сглатываю эту странную сухость на языке. Молчание ведь мне не поможет.

– Я должна была покинуть место стычки с демоном и вызвать Триумвират, – виновато произношу я, стараясь не опускать взгляда. – Простите, мистер Пейтон, я не смогла.

– Что вы не смогли, Агата? – ровно уточняет мистер Пейтон. – Поступить как надо?

– Генри... Он... Он собирался выпить душу Джона, – честно говоря, я в этом не уверена, это всего лишь мое ощущение. – Я... Я предпочла вмешаться.

– Вмешаться каким образом? – брови Артура вздрагивают, кажется, с интересом. – Вы смогли провести Хартману экзорцизм?

– Н-нет.

Честно говоря, даже не подумала. Подумала, что стоит просто поговорить. Ну и... поговорила...

На лице мистера Пейтона проступает отчетливое разочарование. Кажется, он все-таки верил, что я не совсем конченная, а я...

– Итак, давайте подведем итоги, Агата. Вы ослабили влияние распятия на Хартмана настолько, что он смог сбросить оковы. На сегодняшний день у нас всего семнадцать пострадавших, если не считать меня, – пальцы мистера Пейтона выстукивают на столешнице траурный марш, и кажется, про мою честь, – поставлены на уши три ближайших слоя, утроено количество патрулей для серафимов из Департамента Борьбы с Демонами, они теперь работают по графику со сверхурочными. И я на ногах уже сутки, Хартмана же и след простыл. Скажите, мисс Виндроуз, стоило оно того?

– Мистер Пейтон, – я заикаюсь нерешительно, но ладонь Артура, хлопнувшая по столу, прерывает меня в самом начале слова.

– Я ведь вам говорил, что не надо, – отрывисто бросает он, и его прищуренные глаза превращаются в узкие щели, сквозь которые на меня смотрит смерть, – а вы... На молитву не нужно разрешения, да, мисс Виндроуз? Вы даже не понимаете, что натворили. Освободили симпатичного парня, да? Так вы думаете? А то, что этот симпатичный парень – трехсотлетний демон, которого Триумвират ловил семь лет – и справился только силой пяти Орудий Небес. И сколько мы будем ловить его сейчас? У нас три действующих Орудия в настоящее время. Сколько пострадает наших работников, сколько людей Хартман успеет отравить? Вам их не жалко, а, Агата?

– Сэр, но ведь никто не пострадал, – напоминаю я, едва-едва наскребая в себе силы на возражение. Да и про симпатичность – это он зря, ведь я не из-за этого молилась.

– Пока, – Артур резко качает головой, кажется, даже не сомневаясь, что это временно. – Сейчас Хартман прячется, но скоро его голод усилится – и он выйдет на охоту.

– А если нет? – я не знаю, почему это вылетает из моего рта, но все-таки...

Артур смотрит на меня как на чокнутую, и я даже не исключаю, что он прав. Ну а почему еще мне кажется очевидным, что, возможно, стоит подумать о том, почему Генри не начал охоту именно сейчас.

– Что значит “если нет”, мисс Виндроуз? – тоном “как же я устал от идиотов” уточняет мистер Пейтон. – Я знаю Хартмана уже практически вечность, и скорее земля перестанет вращаться вокруг солнца, чем он откажется от охоты.

– А если...

– Агата, не бывает никаких “если” в делах с исчадиями ада, – свирепея все сильнее, рычит мистер Пейтон, подаваясь вперед. – Демоны высшего уровня, демоны уровня Хартмана – это зверье. Голодное зверье, которому плевать на все, кроме тех душ, чьими силами они себя поддерживают.

– Но ведь...

– Господи, вот за что мне это... – устало выдыхает мистер Пейтон, утыкаясь в ладони лицом, а потом убирает руки и раздраженно смотрит на меня.

Мистер Пейтон выглядит паршиво, на самом деле заметно, что и он еще не отошел после отравления демоническим ядом – под глазами залегли глубокие тени, да и само лицо будто покрыто сетью мелких незаметных морщин.

А ведь в Лимбе никто не стареет, морщины – это, скорее, симптом нездоровья, того, что душа просит дать ей отдых.

У меня есть что Артуру сказать, например, что все-таки Генри никого из нас не выпил, хотя ему никто не препятствовал, да и просто... Когда я его кормила еще прикованного, у него были все шансы, чтобы впиться зубами в мои пальцы и высосать силу моей души досуха, но он же этого не сделал...

Вот только почему-то эти слова у меня с языка никак не слетали.

– Итак, мы уже поняли, что разговаривать с вами бесполезно, Агата, – отрывисто бросает мистер Пейтон и встает из-за стола, убирая руки в карманы брюк, – а значит, основная моя задача сейчас в том, чтобы сообщить вам, что вы уволены.

А вот от этого у меня аж ноги подкашиваются...

– И за что, сэр, – слыша лишь только звон в ушах, сипло спрашиваю я.

– Ох, дайте подумать, Агата...– мистер Пейтон делает вид, что задумался, – за неподчинение прямым приказам, за несоблюдение техники безопасности, за халатность при исполнении своих служебных обязанностей, за пособничество в побеге демона седьмого класса опасности. Вам этого мало? В принципе, я могу напрячь память и вспомнить ваши промахи и до вчерашнего дня. Просто до этого я смотрел на них сквозь пальцы, за вас просил мой давний друг.

Это называется сквозь пальцы? За четыре месяца работы в Святой Страже у меня недели не проходило без взыскания, мне казалось, что мистеру Пейтону могут не угодить даже запятые, которых я в отчете поставила слишком много.

Но я прекрасно помню два месяца без работы, что я провела в Лимбе сразу после смерти. Унылые, однообразные два месяца на жестком посте, ведь души неработающих “в поддержке не нуждались” и получали снабжение только символическое. Все бонусы полагались только работающим. Ну должен же был быть прок в этой работе, да?

– Помимо этого, – сухо добавляет Артур, протягивая руку и касаясь пальцами белой папки на столе, куда обычно складываются свежие кредитные сводки его подчиненных, – с вашим нынешним кредитным счетом, Агата, вам в Святой Страже попросту не место. Даже рекомендация мистера Миллера вам не поможет, хотя я ее все равно аннулировал.

– А что не так с моим кредитным счетом? – слабо спрашиваю я. Ну потому что с аннулированием рекомендации Джона я ничего не сделаю – это просто факт. А про кредит мне не ясно.

– Ну а вы думали, что можно освободить исчадие ада и не получить при этом негативной динамики по кредиту? – брови мистера Пейтона взлетают выше, и он вынимает из папки лист, заполненный черно-белыми мелкими цифрами.

Лист этот передают мне, и я уже привычно выхватываю свое имя и серийный номер в его шапке. Моя свежая кредитная сводка, полученная этим утром.

И там изменения, лист заполнен ровными строчками – но не погашения кредита, а его увеличения. Одно большое списание и целый скоп мелких.

От цифры в графе “кредитная задолженность” у меня земля под ногами плывет. Если мои “достижения” в смертной жизни я могла отработать года за три усердной работы – ну, за четыре – если брать в расчет взыскания мистера Пейтона – на отработку вот этого вот мне может потребоваться одна маленькая вечность. И, возможно, еще одна, чуть поменьше...

– Что это такое... – я остаюсь стоять только по одной простой причине, мне попросту не хочется садиться на пол. Но ноги ватные и держат меня с трудом.

– Это цена вашего “подвига”, Агата, – устало откликается Артур, видимо, окончательно заколебавшись со мной разговаривать. – К слову, должен вам сказать – это всего лишь некая часть кредита Хартмана. Даже не четверть. Но теперь она ваша, и отрабатывать ее вам.

– А мелкие списания? – я на самом деле поражаюсь тому, насколько дотошно выясняю информацию. Потому что мне-то кажется, что мой рассудок в коме, а нет, подсознание работает, разрешает для себя все вопросы.

– Мелкие? – мистер Пейтон недовольно кривит губы. – Ну разве что в сравнении. Каждое “мелкое” списание – это грех Хартмана после его побега. Вам теперь полагается нести за них ответственность.

– Их основная масса приходится на время сразу после освобождения, – отстраненно замечаю я.

Все списания идут плотным массивом строчек, это, видимо, время “прорыва” Генри через оцепление Святой Стражи. А потом – два совсем мелких списания и все. Восемь часов новых минусовых списаний по моему кредиту не было.

– Побега, Агата, побега. Называйте вещи своими именами, – раздраженно замечает Артур. – Да, после того, как он добрался до измерения смертных, было несколько мелких списаний, потом он затих, он знает, что мы можем отследить его по адресам из кредитной сводки.

– Но это же хорошо, что он не грешит, – у Артура в глазах что-то полыхает, а вот мне уже не страшно. Все, что он мог сделать, он уже сделал.

– Агата, вы ведь не понимаете, почему мы развели такую суету, да? – мистер Пейтон опасно щурится. – Не понимаете, почему я сегодня вышел в рейд, почему увеличили количество патрулей и дежурств в мире смертных, так?

Я пожимаю плечами. Мне сложно понять, на самом деле. Я не понимаю, почему мистер Пейтон игнорирует директиву про “достойного веры”.

– Агата, – Артур закатывает глаза, – я, конечно, знал, что вы звезд с неба не хватаете, но чтобы настолько не понимать, что происходит... Вы же видите отрицательную динамику по своему счету, так?

Я киваю, потому что с этим сложно поспорить. Вижу, конечно, не слепая же.

– Хартман из меченых тройной звездой, – тоном, которым обычно все разъясняют конченым идиоткам, поясняет Артур, – а это значит, Агата, что он уже получил высшую меру наказания. И вы теперь с ним связаны. Ему нужно совсем немного до следующего класса опасности. До четвертого кольца. А что бывает с демонами опаснее, чем “исчадие ада”, вы знаете?

– Их отправляют в ад, – ровно отвечаю я, пытаюсь понять, к чему он ведет.

– Да, отправляют, – Артур резко кивает. – Вот только в наших условиях задачи, если Хартман получит-таки новый класс опасности, Агата, вы отправитесь в ад вместе с ним.

Вечер прекрасных новостей, ничего не скажешь.

– Но я же не демон, – оглушенно произношу я, ощущая, как земля под ногами шатается все сильнее. Будто сейчас провалится пол и исполнится моя тайная мечта – я провалюсь сквозь пол, прочь с глаз мистера Пейтона. Можно сразу в ад, чего откладывать-то?

– Вы освободили Хартмана, – невесело замечает Артур, – вы теперь несете ответственность за каждого пострадавшего от его рук.

Черт побери, почему не выдают подробной инструкции к таким случаям, а? Типа вот что будет, если вы помолитесь за демона. Хотя... Не факт, что я вчера к

этому бы прислушалась. Я глотнула наказания Генри, глотнула столько боли, что едва ею не захлебнулась, и потому... Потому я и хотела, чтобы ему стало легче. Ничего тут не сделаешь.

Ну... Ему легче. И вчера я была готова нести за это желание ответственность. Значит, нужно нести ее, следовать своему стремлению до конца. Правда, все еще непонятно, почему нет никакой инструкции к тому, как это все работает. Я что, единственная такая идиотка, которая вдруг решила помолиться за демона?

– Мы пытаемся этого не допустить, Агата, – устало и будто слегка утешающе произносит мистер Пейтон, – мы работаем над тем, чтобы поймать его до того, как он догрешится до восьмого класса. Тогда его просто вернут на поле, ну а вам... Вам придется отрабатывать свою привычку игнорировать предписания, но это то меньшее, чем вы можете отделаться.

– Вы беспокоитесь обо мне? – с недоумением переспрашиваю я, услышав какие-то новые интонации в голосе мистера Пейтона. – Обо мне?

– Ну разумеется, – тоном “ну это же очевидно” отвечает Артур. – Агата, мы боремся за каждую душу, которая еще не сдалась. Вы не демон, вы...

Он запинается, потому что его корректность и предельная жесткость явно сейчас столкнулись в нешуточной битве.

– Дура? – я облегчаю страдания бывшего босса, и он кивает, явно испытывая удовольствие от того, что ему не пришлось произносить это вслух.

– Но глупость не самый страшный грех, – продолжает Артур невозмутимо, – и в конце концов, мы понимаем, что поддаться влиянию демона может абсолютно любой. Не повезло вам, но в ад вас отправлять за это нам резона нет.

Лестно-то как, черт возьми.

И вот за что это все? За одну молитву?

– Я могу идти? – еле выговариваю я непослушными губами.

– Конечно, мисс Виндроуз, идите, – милостиво кивает мне мистер Пейтон. Видимо, оказанный его словами эффект найден моим бывшим боссом более чем достаточным.

Уже в дверях кабинета Артура я сталкиваюсь с высокой блондинкой, вьющиеся волосы которой обстрижены чуть ниже затылка. И она, лишь мельком глянув на меня, брезгливо кривится. Серафим. Не меньше. С ярко проявляющейся “аллергией на грязных грешников”, как и говорил Генри.

– Анджела, – доносится из-за моей спины голос мистера Пейтона, – я надеюсь, ты принесла мне хороших новостей.

Анджела? Анджела Свон? Карающий хлыст Небес, Орудие Молнии, еще один член Триумvirата, так же, как и Артур, так же, как и Катон? Известная в Лимбе своей яростной ненавистью к демонам и всем грешникам, кто не может взять себя в руки? Ох-хо, никогда ее не видела. Слишком высоко летает эта птица, она занимается ловлей демонов непосредственно в смертном мире.

Мисс Свон оттесняет меня в сторону плечом – выражение лица у нее при этом, будто она обо что-то испачкалась, – и проходит внутрь. Решив, что задерживаться смысла больше не имеет, я выхожу и, лишь закрывая за собой дверь, слышу их диалог.

– Это она? – презрительным голосом спрашивает мисс Свон.

– Она, – еще более измученным откликается Артур.

Раздражение накатывает на меня, как и всегда, когда я сталкиваюсь с какой-то несправедливостью в свой адрес.

Папа говорил, что это грех моей гордыни, но какая гордыня? Ладно, Небеса, оценившие жест моего сочувствия к Генри некой величиной сухих цифр вычета по кредитному счету. С Небесами спорить смысла не имеет. Но Артур и Анджела – это всего лишь архангелы. Да – они выше, да – они уже отработали свои кредиты, но им так же, как и мне, нельзя осуждать. А они осуждают. Меня. За молитву. За простое сочувствие, за попытку попросить Небеса быть чуть помягче к одному конкретному демону. Это уже стоило мне и минуса по кредиту, и “заманчивых перспектив” по ссылке в ад. Так какого черта добавляют еще и

они?

Так, ладно, еще пара минут – и я уже сама начну осуждать, а я этого делать не хочу. Ей-богу, хватает минусов по кредиту от одного рыжего... персонажа.

По сути, мне нужно бы забрать вещи из кабинета, что я делила с Рит, но для этого нужно подняться на слой выше, а я уже сейчас чувствую себя профессиональным ковриком для ног.

Я просто уйду, киваю на прощанье Лили – она выглядит заинтересованной в происходящем, но я не в том настроении, чтобы рыдать в ее жилетку. Да и с Лили мы даже не подруги, чего уж там.

Завтра, я разберусь со всем завтра.

Тем более, что с меня сейчас никто и ничего не спросит, мне даже оформлять неделю отгулов после отравления демонами не надо.

И нужно бы заглянуть хотя бы к Джо, но в моем нынешнем состоянии я точно знаю – он будет меня жалеть. А я и так чувствую себя отвратительно.

Поэтому я просто возвращаюсь к себе. Прохожу в комнату, сбросив в прихожей обувь, и оседаю на кровать.

Опустошение – вот какое слово отлично передает мое состояние сейчас.

Просыпаясь вчера утром, я совершенно не представляла, что меня ждет столько неприятностей. Падение во время полета, личное соприкосновение с крестом одного из демонов, столько взысканий за его освобождение...

Все-таки почему нет ни единой строчки о том, что нельзя молиться за демонов, ни в Кодексе Святой Стражи, ни в общем регламенте работников Чистилища?

Почему Генри вообще отпустили, если он так опасен? И опасен ли? Почему мне так сложно поверить в характеристику “зверье”, данную Артуром в адрес исчадий.

Генри не походил на зверя, таким, каким я его помню. Возможно, в некоторых моментах диалога с тем же Айвеном, но в общении со мной – не особенно он отличался от того же Найджела Рэдклиффа, который примерно так же флиртовал с Рит, когда мы возвращались вместе с ней со смены.

Но... Генри сбежал, он в смертном Лондоне, и я теперь уже точно ничего не выясню, не смогу даже на секунду понять, насколько Артур прав в своих суждениях.

От досады я сжимаю ладонь и слышу шорох сминаемой бумаги.

С удивлением гляжу на собственную руку и вижу в ней ту самую выписку по своему кредиту, которую по инерции забрала с собой.

Разворачиваю лист, снова смотрю на цифры списаний, вгоняющих меня в лишний минус по кредиту.

И цепляюсь взглядом за новую строчку.

“... в.п.п. Генрих Хартман – нарушение режима, находящегося на испытательном сроке, соблазнение замужней женщины... 22:15... адрес... дата”

Я отстраненно цепляюсь взглядом за таинственное “в.п.п”, но, честно говоря, толком подумать на тему, что бы это значило, не успеваю, до меня доходит весь смысл этого предложения.

Ну вообще!

Я тут огребаю за него, а он уже пытается оприходовать чью-то жену. И это ложится на мой счет теперь.

И что, неужели уже так поздно?

Я кошусь на часы и замираю. Восемь. Восемь пятнадцать. А на листе – ну точно, десять.

Нет, с Небесами не спорят, их учет грехов никогда не ошибается. Но...

Получается, я знаю, где будет Генри через два часа? И чем я рискую, если проверю это?

Чтобы выбраться из Чистилища в мир смертных, многого не надо, на самом деле.

Но и нельзя сказать, что это просто, быстро и легко. Внутри Лимба – шастай как хочешь, но в смертный мир можно только по разрешению.

Нужно добраться до Департамента Учета Внешних Перемещений, высидеть очередь, состоящую из таких же утомленных и задолбавшихся работников твоего слоя, оформить себе положенный по работе увольнительный, взять комплект сухого пайка – а он полагается всем уходящим, чтобы побороть обостряющийся в смертном мире греховный голод.

А потом только после получения пайка ты получаешь ключ – теперь уже для выхода в смертный мир. Одноразовый. Его хватит на то, чтобы выйти в смертный мир и вернуться. После этого ключ рассыпается в твоих руках белой пылью.

Вообще-то я теперь безработная. Но у меня есть три неиспользованных и несгоревших увольнительных за этот месяц и за предыдущий, которые мне полагаются как работнику Святой Стражи. Полагались. Но ведь они не должны сгореть из-за увольнения, да? Я же работала и имею право увидеть свою семью?

Когда я прихожу – в Департаменте Учета царит разгром и разруха. На гладком темном паркете – царапины, выбоины, оплавленные пятна.

И пусто. Очень пусто. Обычно тут полным полно народу, а сейчас холл Департамента пуст, как будто это не самое популярное место на восьмом слое.

– Что случилось? – спрашиваю я у Молли Митчелл, которая работает тут оператором и занимается приемом заявлений на выдачу увольнительных.

Молли – этакое миловидное создание, с изящным острым подбородком и россыпью веснушек по всему лицу. Солнце явно зацеловало эту девушку, и не зря – характер у неё очень теплый. У нас с ней хорошие отношения, я её даже рисовала несколько раз.

– Ты не слышала о побеге исчадия? – Молли удивленно таращится на меня и я запоздало хватаю воздух ртом. – Он прорывался через нас вчера. С боем. Не моя смена была, но мне рассказывали. Мы с утра разбираем документы, он нам тут форменный ад устроил.

– Много пострадавших? – виновато уточняю я, чуть прикрывая глаза. Поэтому и очередей нет, люди просто напугались. Понятно, что исчадия уже здесь нет, но привычное человеческое “а вдруг” никуда не девается и работает в посмертии даже лучше, чем при жизни.

– От нас четверо, – вздыхает Молли, – слава богу, час был неприятный, людей почти не было. Агата, тебе оформить выход?

– Ага, – я киваю, затем оглядываюсь на творящийся вокруг беспредел, – Молли, а ты можешь мне за один раз три пропуска выдать? Сейчас все подотойдут, понабегут, и очереди будут совсем адские, а я сама после отравления, совсем не хочу выстаивать их...

– Соскучилась все-таки по своим? – понимающе улыбается Молли, потом оглядывается на кабинет руководителя отдела, и встает. – Сейчас спрошу у мистера Уоллеса. Вроде нет в регламенте запрета на единовременное оформление.

– Да, конечно, спрашивай, – я киваю, а сама скрещиваю пальцы под столом. Умалчиваю, что дело вовсе не в “соскучилась по своим”. Честно говоря, даже полгода спустя мне все еще неловко приходить в свой смертный дом. И пусть ни отец, ни мать меня не видят, все равно как-то тяжело.

Рональд Уоллес не был архангелом, не был серафимом – и возможно поэтому Молли выходит из его кабинета сияющая довольной улыбкой. Наверное, Анджела Свон, только заслышав мою фамилию, отказала бы мне в пропусках в смертный мир. Навечно.

– Разрешил, – Молли так искренне за меня радуется, что мне поневоле становится стыдно, – сейчас погоди, я оформлю бумаги. Заполняй заявления пока. И кстати, раз уж так, три пайка сразу забирай, поняла? И без нашей еды в смертный мир не суйся.

– Да, я помню инструкции, – киваю я и склоняюсь над заявлениями.

Мне кажется, что я что-то нарушаю, по крайней мере, пока я заполняю бланки, руки мои, сжимающие ручку, потихоньку трясутся. Кажется, сейчас вломится в дверь Департамента Перемещений Артур Пейтон, схватит меня за шиворот и отправит куда-нибудь в карцер.

Нет, в нашем отделении карцеров нет, но кто его знает, может, ради меня заведут?

Молли даже замечает мою нервозность, притаскивает мне мятного чая и даже какую-то булочку из собственных запасов, заставляя меня чувствовать себя еще более неловко. Впрочем, увернуться от дружелюбия Молли – почти преступление, поэтому я не брыкаюсь и выпиваю чай. И булочку тоже щиплю. Слегка с украдкой.

Никто не является, никто не изобличает меня как ту самую дурищу, что освободила исчадие, и сорок минут спустя я получаю и три изящных ключа на выход в смертный мир, два из которых тут же прячу в карман, и три продуктовых набора – кстати довольно неплохих, по крайней мере если сравнивать с продуктовым снабжением постящегося. Слава богу, я взяла с собой рюкзак. Честно говоря, и не думала, что оформлю три увольнительных сразу, это была импровизация – я серьезно опасаюсь, что приди я позже – и слух о моей причастности к побегу исчадия доползет и сюда, и с выходом будут известные проблемы.

Ключи работают просто. Ты берешь, запихиваешь их абсолютно в любую замочную скважину, хоть в дверцу шкафа, поворачиваешь ключ три раза, и вуаля. Теперь за дверцей твоего шкафа не четыре отглаженных форменных пиджака, а гулкий зал Вестминстерского аббатства, или какого-нибудь другого храма, куда загадаешь, туда и попадешь.

Перед тем как все-таки толкнуть дверь, я замираю, прислоняясь лбом к теплему дереву. Сегодня могу себе позволить, сегодня никто не дышит мне в спину и не торопит, потому что “я тороплюсь увидеть сына, а ты тут копаешься”. Да и сегодня потряхивает меня совсем не от того, что я боюсь видеть отца и угрызаться совестью от того, как я его подвела. Сегодня я намерена пойти на серьезную авантюру. Ну, по крайней мере, для меня это точно авантюра.

– Все будет хорошо, Агата, – тепло щебечет за моей спиной Молли, и я слабо улыбаюсь. Бывают же такие люди-солнышки, которые пытаются тебя согреть в любое время дня и ночи.

Выдыхаю, толкаю дверь от себя и шагаю в прохладу смертного мира.

В кармане рубашки, у самого сердца лежит сложенная вчетверо кредитная сводка.

Ну что ж, Генрих Хартман, держись.

Я иду по твою душу!

6. Поймать демона

Лететь над смертным Лондоном и не ностальгировать – просто невозможно.

Лондон Чистилищный – это даже не Лондон, там нет ничего привычного, там даже расположение улиц совершенно другое, не говоря о том, что нет никакой привычной архитектуры. Ни тебе Тауэра, ни Биг Бена, ни Лондонского Глаза, хотя это – еще самые поверхностные отличия.

А мне не хватает лондонских улиц, не хватает аллей Сент-Джеймского парка, по которым мы с Ханни гуляли по выходным, не хватает общественного Сада в Сент-Данстане, в котором часто рисовала летом, сбегая с последних пар в академии.

Одно обидно, когда ты оказываешься в смертном мире – он крутится без тебя. И Ханни растет без меня, и подружка по академии, та самая, с которой мы фотографировались на обшарпанной, но такой потрясающе живописной Принслет-стрит – она вышла замуж в прошлом месяце. Я должна была быть подружкой невесты и крестной её ребенка, но мне, увы, – уже не до этого.

Для смертного мира я призрак, причем невидимый. Демоны меня видят, собственно поэтому я приземляюсь, только когда нахожу нужную улочку и

нужный ресторан.

Найтсбридж... Ничего себе, в дорогой район занесло Генри. Здесь хорошие виды, хорошие заведения, а я-то думала, что это будет какой-нибудь дешевый ночной клуб и какая-нибудь случайная девица, которая вдруг подвернулась ему под руку, пока он искал, с кем бы ему поразвлечься.

Проходить в ресторан мне нет необходимости. Те, кого я ищу, сидят на летней веранде, за одним из столиков, ближайших к улице.

Генри сложно не заметить с его-то рыжей гривой, пусть и собранной в хвост, а напротив демона сидит брюнетка. Зрелая, вполне привлекательная, кстати, мой придирчивый взгляд не замечает откровенных изъянов, хотя она же из Найтсбриджа, наверняка есть деньги на косметолога и парикмахера. Полновата чуть-чуть, но в том виде, в котором обычно это добавляет женщинам только аппетитности.

А Генри люди видят... Вот эта девушка его точно видит. Хотя, чем сильнее демон, тем дольше он может удерживать себя в видимой и осязаемой смертными форме. Человек не увидит только того, что ему видеть не положено – например, рогов, и прочих демонических меток.

Я стою шагах в семи от Генри и в принципе опознала его только по волосам, хотя ладно, рога у него тоже очень приметные. Он времени не терял, уже где-то прибархлился. На демоне какая-то черная кожаная куртка, и уже даже это подчеркивает линию его плеч. И джинсы, не пойми откуда взятые, отлично, кстати, сидящие на его бедрах...

Черт, Агата, ты тут не для этого вообще-то...

Но эстетичная картинка же! Ведь я уже говорила – телосложение у Генри такое, что если бы он позировал в художественной академии – с высокой степенью вероятностью, ему пришлось бы отбиваться от орды озабоченных первокурсниц.

Я привыкла смотреть на мир вот этим взглядом, очерчивающим контуры предметов и перекладывающим их на бумагу, отмечать достоинства, думать над тем, как превратить какие-то изъяны картинки в фишечки.

Знаете, сколько раз я срывала Джону обеды? Только из-за того, что меня озарило вдохновением и желанием срочно-срочно набросать его профиль.

Я не слышу, о чем говорит своей собеседнице Генри, он делает это настолько приглушенным и интимным шепотом, что ясно – ничего приличного он там ей не рассказывает. А девушка – девушка вообще ничего не ест, и вообще вот-вот растечется по столу.

Она заморожена, это очевидно. Я отсюда вижу, как она облизывает губы, как пылают её щеки.

И я её самую капельку понимаю.

Всякое движение Генри – плавное, неспешное, в них сквозит этакая ленца, и это действительно гипнотизирует.

Он всего лишь чуть склоняется через столик, подцепляет пальцами прядь волос женщины, а у меня уже ощущение, что я подглядываю за тем, как он её раздевает. Впрочем, я не одна такая, женщина за столиком Генри в этот момент явно близка к обмороку от восторга. Наверное, встретить она Тома Круза, и то меньше была бы впечатлена.

Нет, ну не гад ли, а? Меня отравил, сбежал, подставил под целую кучу неприятностей, и сейчас сидит тут... Развлекается...

Я лишь крепче сжимаю лямку рюкзака на своем плече и шагаю вперед.

В конце концов, я сюда и явилась для того, чтобы “испортить ему малину”. Потому что новые списания по кредиту мне совсем не желательны. И так ушла по уши в долг.

– Лана, я отлучусь ненадолго, – очень многообещающе произносит Генри, хотя мне до него остается еще пара шагов. Это из-за меня? Я настолько громко топаю, что демоны слышат меня за километр?

– Ну, если ненадолго, – томно откликается Лана, Генри же “на прощанье” касается самых кончиков её пальцев губами. Это вроде невинно, но от этого

жеста у меня аж дыхание перехватывает. Лана же явно не против, чтобы ей принесли ведро из-под шампанского, без шампанского, но с горкой льда сверху.

Там, на Холме Исчадий, мне, кажется, совсем не показалось, что этот мужчина прекрасно знает, как задурить голову женщине.

Демон же поднимается из-за стола и неторопливо шагает внутрь ресторана.

Я иду за ним. Ну, не ждать же мне у столика Ланы, так ведь? Она-то мне абсолютно не нужна сейчас. А там, может, мне удастся с ним все-таки заговорить? Окликнуть?

До меня доходит, что я совсем не знаю, что ему сказать сейчас. Что? Не надо, пожалуйста, соблазнять эту женщину, Генри, она замужняя, и вообще ты этим вгоняешь в долги меня.

Ага, так ему и важно, что его грехи теперь аукаются и мне.

Я все равно не успеваю ничего придумать, потому что хлопает дверь за моей спиной. Дверь, которая прячет Генри от глаз смертной, с которой он тут был.

И в эту же секунду демон резко разворачивается и бросается на меня.

Я не успеваю толком испугаться. Движения у Генри слишком быстрые, я просто успеваю заметить какую-то быструю тень, а уже секунду спустя мир замирает снова. Только условия изменились.

Демон прижимает меня к стене – и нет, абсолютно не романтично, как это я видела в фильмах еще при смертной жизни, не грудь к груди. Меня уткнули лицом в шероховатую декоративную штукатурку, руки бы вырвать тому дизайнеру, который разрабатывал проект для этого ресторана.

И я сейчас хорошо ощущаю всю демоническую силу – ну, а может, не всю, но ему достаточно одной ладони, чтобы удерживать вместе мои выкрученные руки.

Вторая ладонь... Вторая ладонь шарится по моим карманам. Я понятия не имею, что он пытается там найти, у меня вообще ощущение, что ничего, и вообще у этого действия совсем другие цели.

И это ужасно бесит.

– Прекрати это делать, – выдыхаю я раздосадованно. – Прекрати меня лапать, черт тебя возьми.

–А то что? – от его яростного тона у меня волосы на спине встают дыбом. – Что ты мне сделаешь, птаха? Помолишься?

На самом деле, я могу. Есть защитные молитвы, только глаза прикрой и начни шептать, вот только на сильных демонов они почти не действуют.

Я решаю проблему “просто”: я просто лягаю демона в голень. С ним в боевой форме это не прошло бы, но сейчас срабатывает.

Правда, не очень эффективно. Потому что я успеваю только развернуться, и меня снова вколачивают в стену, только на этот раз затылком.

И пальцы демона, уже нечеловеческие, искаженные, впиваются в мое горло, не сильно, но с когтями, будто напоминая: одно движение – и все, яд уже в моей крови...

Да черта с два ты меня запугаешь, Генрих Хартман!

Уже травил. Не страшно.

В глаза демону я смотрю спокойно и твердо, выдох за выдохом успокаивая собственно сердце. Ну что может быть сильно хуже, чем просто отравление? Разве только если он меня выпьет и растерзает душу в клочья. Но если бы хотел – уже бы выпил, да?

Демон смотрит на меня, глаза в глаза, и я вижу, как вертикальные его зрачки расширяются и сужаются, будто откликаясь на биение его сердца.

– Технику безопасности ты тоже проспала, птаха? – хриплым шепотом интересуется Генри, склоняя голову набок. – Ты не знаешь, что боль – это не самый лучший способ взаимодействия с демонами? Если делаешь больно, готовься к драке.

– О технике безопасности мне думать поздновато, раз я к тебе пришла, – я нервно дергаю уголком рта.

– Где твоя святая братия? – отрывисто спрашивает Генри, чуть болезненнее впиваясь когтями в мою шею. – И не ври мне, птаха, я ведь не посмотрю, что тебе должен. Сутки моего яда ты уже попробовала. Пятнадцать лет не хочешь?

Пятнадцать? Ох-хо. А ведь яд с зубов концентрированнее, говорят, и ощущения от него куда более неприятные.

– О чем ты вообще, – я морщусь и пытаюсь вжать шею в стену, лишь бы ослабить на мою кожу давление когтей, втайне мечтая, чтобы работали законы тех фильмов и сквозь стены можно было ходить, – я пришла одна.

– Одна? – повторяет Генри медленно, шумно втягивая воздух, явно принохиваясь к моим эмоциям и недоверчиво глядя на меня.

– Да, одна, – осипшим голосом отвечаю я, – ты не мог бы отпустить мою шею? Мне больно.

Наверное, это самое глупое, что можно было сказать в этой ситуации. Зато честное.

И эффективное – к моей неожиданности.

Рука Генри отдергивается даже слишком резко, он с неудовольствием косится на нее, будто и не хозяин ей вовсе. Встряхивает кистью, вновь придавая ей человеческий вид. Ну что ж, какая-то динамика в нашем диалоге уже наблюдается.

И с секунду демон просто стоит надо мной, упираясь рукой в стену рядом с моим правым ухом, и смотрит на меня пронзительно и слегка пугающе. Но он на меня

не нападает. Что бы там ни говорил мистер Пейтон – смотрит на меня, что-то думает, но не бросается, пытаюсь выпить душу. И это исчадие ада, да, по-прежнему. То самое голодное зверье, которым пугал меня мой бывший начальник.

И я почему-то смертельно довольна, удовлетворена самим фактом ненападения гораздо больше, чем могла бы. Дело совсем не в целости моей души.

– Как ты меня нашла? – наконец резко спрашивает демон.

– Я... – я запинаюсь, сомневаясь, что стоит рассказывать. – А это так важно?

– Важно, – Генри издает раздраженный смешок. – Видишь ли, птаха, я очень замораживаюсь на тему того, чтобы не светиться в кредитных сводках. То есть вообще грешу по минимуму возможного и тут же ухожу из того района, где грешил.

– По минимуму – это затаскивая в постель замужних? – Я вскидываю брови повыше, но даже без этого слова оказывают странный эффект. Лицо демона затвердевает, как будто он не живой человек, а мраморное изваяние. Неприятное выражение. Не хотела бы я быть виноватой в такой его гримасе...

Генри довольно резко отстраняется от меня, с видимым усилием в выражении лица снова переходя в материальную форму. Он не говорит ни слова, просто быстрым почти резким шагом возвращается на летнюю веранду, к Лане, радостно просиявшей при его появлении.

А я... А что я. А я все тем же невидимым для смертных призраком семеню за ним. Мне не то чтобы к лицу шпионить, но я с ним даже не поговорила толком. Поэтому и становлюсь невольным свидетелем не самой веселой сцены.

– Ты так долго? Я уже соскучилась, – Лана даже из-за стола встает, тянется к Генри, пытаюсь прижаться если не к его груди, то хотя бы к плечу.

А Генри же смотрит на нее весьма прохладно, убрав руки в карманы джинсов.

– Ты замужем, Лана?

Девушка замирает от этого вопроса, будто ей только что под лопатку вошла стрела. И все понятно без слов. Даже демонического нюха не надо, чтобы понять правду. Хотя я в принципе эту правду знала, что уж там.

– Кто тебе это сказал, Генри? – нервно выдыхает девушка.

– Птичка напела, – вполголоса замечаю я, пользуясь тем, что смертная меня услышать не может, и вижу как дергается уголок губ у Генри. Ему явно понравилась эта шутка.

– Всего хорошего, Лана, – со всем возможным ядом улыбается демон, уклоняясь от пояснений. – За ужин спасибо, но занятые женщины меня не интересуют.

Он развел ее на ужин? Очаровательно. Хотя... То, что дано добровольно, за кражу не считается, в кредитную сводку не попадает. Нет, в чем не откажешь Генриху Хартману – так это в пронырливости.

Нет, правда, он в Лондоне чуть более суток, и за это время успел и адаптироваться, и замаскироваться под местного – причем кражи одежды в сводке я не припомню, значит, как-то выкрутился и с ней. И девчонку подцепил, причем с расчетом на выгоду не только для тела, но и для дела. Правда на ее замужество он, кажется, не рассчитывал. И вот эта ситуация напоминает что-то глубоко личное. Или все-таки дело в том, что непотребство с замужней в сводке светится?

Лана явно пытается что-то пискнуть, но у Генри настолько убийственное выражение лица, что девушка только нервно всхлипывает и оседает за столик, пряча в ладонях лицо. Мне ее даже жаль чуточку.

Шагает Генри быстро, даже в человеческой форме – я несусь за ним едва ли не вприпрыжку. Демон доходит до ближайшего угла дома и снова сбрасывает с себя материальность, видимо, чтобы не тратить силы попусту, и оборачивается ко мне.

Я думала, он будет выглядеть разочарованным и усталым, а с него вся эта ситуация уже стекла как вода с гуся, демон окидывает меня насмешливым взглядом и развязно улыбается.

– Ну что, готова скоротать со мной ночьку вместо Ланы, а, Агата Виндроуз?

Он вообще, что ли, осатанел?

– С чего бы это? – ошалело интересуюсь я. Вопрос застал меня врасплох. Чего угодно ожидала, но не этого.

– Ты мне должна вообще-то, – Генри пожимает плечами, мол, это само собой разумеется, – ты сорвала мне вечер. Другую женщину мне сейчас искать некогда. Да и не время, я Лану еще вчера подцепил. Так почему бы вместо Ланы тебе не доставить мне удовольствие, а, птичка? Тем более что ты очень даже ничего.

Нормально, да? А формулировочки каковы? Его величество до меня снисходит.

Вдох-выдох.

Раздражение, вскипевшее в моих легких, я выдыхаю из себя. Это не то, что мне нужно.

Получается. Хотя нельзя сказать, что это мне ничего не стоит – я сейчас гораздо злее, чем была до отравления. Да и смертный мир делает мои эмоции гораздо сильнее и острее.

Везет же мне на озабоченных придурков. Что в жизни, что в посмертии. И ладно бы выглядела как какая-нибудь голливудская кинодива, так ведь самая что ни на есть обычная.

Мир вокруг просто теряет свою актуальность, я даже не особенно замечаю, когда сквозь меня проходит кто-то из смертных.

Самое парадоксальное – при том, что чутье точно обрисовывает демону, как он меня бесит, Генри шагает ко мне. Опускает ладони мне на талию, тянет к себе, нарушая все правила по вторжению в личное пространство. И я по бесстыжим глазам вижу, что он намерен нарушить их еще сильнее.

– Отпусти немедленно, – пыхчу я, вырываясь. Ну точнее – пытаюсь вырваться. Наверное, из хватки спрута легче выпутаться, чем из клещей Генриха Хартмана.

– Птичка, не бойся, я тебе все покажу и тебе все понравится, – коварно и очень многообещающе шепчет демон, прижимая меня к себе еще крепче.

Ох... Этот раскаленный кисель чистой незамутненной ярости попробуй выдохни еще...

Ну сам на себя пеняй, Генрих Хартман.

Четыре слова призыва святого огня звучат резко, и правый мой кулак окутывается белым огнем и тут же впечатывается демону в живот, заставляя охнуть даже при всей его силе. Без святого огня этот удар для исчадия ада что слону дробина, со святым огнем же он вздрагивает и ослабляет хватку. Достаточно, чтобы я все-таки вывернулась и все той же окутанной белым огнем ладонью, от души и бесконечной щедрости залепила ему пощечину.

Опять-таки, сомневаюсь, что без усиления святой защитой Генри вообще бы эту пощечину заметил. Демоны его уровня и возраста это посчитают скорее за щелчок по носу, чем за удар. Не больно, но самолюбие уязвляет.

Генри рычит, явно раздосадованный моим ударом. Тем взглядом, что он сейчас на меня смотрит, можно не только гвозди заколачивать, но и бетонные сваи.

– Ты вообще обучаемая? – зло выдыхает Генри. – Я ведь тебе уже объяснил про боль. Тебе так хочется, чтобы я сорвался?

Я скрещиваю руки на груди, раздраженно гляжу на демона. Он же – в двух шагах от меня, держится за щеку и тяжело дышит, явно пытаюсь сделать то же самое, что и я десять минут назад. Выдохнуть.

Но он все еще на меня не бросился.

– Ты знаешь, сколько у меня из-за тебя неприятностей? – ровным тоном уточняю я. Не буду я отвечать на его вопрос, обойдется.

– Ну только не говори, что я не предупреждал тебя, что они будут, – Генри раздраженно качает головой, – ты же понимала, что Пейтон тебе за молитву оторвет голову, это был вопрос времени.

Ага. Понимала. Но даже не представляла, что одной молитвы хватит для того, чтобы освободить демона.

– Зачем ты пришла? – хрипло спрашивает Генри. – Хочешь, чтобы я сказал тебе спасибо? Спасибо, Агата Виндроуз. Так и быть, прощаю, что ты испортила мне вечер. В конце концов, благодаря тебе я не засветился в сводке. Мы закрыли все вопросы, и ты можешь уже убраться к черту или тебя еще что-то интересует?

Какой очаровательный посыл. И какой хороший вопрос.

Зачем я пришла...

Лист кредитной сводки из кармана я достаю чисто из любопытства, мне интересно, изменилось ли в нем хоть что-нибудь. Или дело обстоит как в том фильме, когда делай – не делай, ничего не исправишь, и как я ни старайся, но сегодня Генри все-таки закадрит какую-нибудь миссис с далеко идущими порочными намереньями.

Он изменился...

Исчезли строчки про соблазнение замужней, зато прибавилось много других. Длинных.

С моим именем и фамилией в качестве жертвы.

О, это что такое в самом конце? “Нападение на поручителя, коэффициент отягчающих обстоятельств – 1,95”. И все списание – в два раза больше, чем общая сумма косяков.

Круто.

Если он нападет на меня, мне же за это и прилетит, причем даже с отягчающим коэффициентом. Если – или когда?

Остальные строчки я проглядываю мельком. Впечатляюсь.

– Какая у тебя изощренная фантазия, Генри, – замечаю задумчиво, поднимая глаза на демона, – я восхищена.

– Что это у тебя? – Генри шагает ко мне, выдирая из моих пальцев лист кредитной сводки, уставляется в него. Про то, как замирает его лицо, можно не говорить.

– Это моя сводка, – зачем-то поясняю я.

– И в ней отображается то, чего я еще не сделал? – ошеломленно и, кажется, не особенно нуждаясь в ответе, спрашивает Генри.

– Для меня, по крайней мере.

Я не успеваю даже заметить, как лист разлетается в клочья, движения демона просто смазываются, и потом лист осыпается на тротуар под нашими ногами белой пылью.

– Ну зачем, – я чуть морщусь, – я же уже тебя нашла.

– Зато потом не сможешь, – Генри стоит, убрав руки в карман, и напряженно смотрит на меня. – Без обид, птичка, мне не нужно, чтобы ты бегала за мной хвостом. При всей моей благодарности.

– Я возьму в кредитном отделе новую свежую сводку, – я пожимаю плечами. – А я возьму, не сомневайся, меня не особенно прельщает вместе с тобой отправиться в ад, так что...

– Так, стоп, – Генри встряхивает головой, перебивая меня, – еще раз. Ты? В ад? Со мной? С чего бы? Со всем уважением, но твоих косяков даже на распятие не хватит.

– Ну, если верить той же кредитной сводке, которую ты порвал все-таки рановато, я – твой поручитель, Генри. Вот поэтому, видимо.

Демон смотрит на меня молча. Пристально. Не отводя своих янтарных глаз от меня ни на секунду.

Я все жду вопроса “Что это значит?” – и боюсь его. Потому что я не знаю ответов, у меня не было времени разбираться в этом вопросе. Я торопилась его остановить. Очень!

Генри задумчиво щурится и, кажется, чуть покачивается на месте.

А потом шагает ко мне, и его ладони вдруг оказываются продеты под моими руками, переплетаются на моей талии. Да что такое? Самец снова пошел в атаку? Как ему надо двинуть, чтобы он успокоился?

– Что ты себе позволяешь?

– Тише, – шепчет Генри, неожиданно успокаивающе, а в это время от наших ног земля будто отталкивается сама, – раз спрашиваешь ты, птичка, я отвечу. Я себе позволяю все. Но только в уме, потому что это не попадает в кредитную сводку. Так что можешь себе представить, сколько всего я себе с тобой уже позволил.

Черт его раздери, вот правда. Потому что да, оказывается, я могу себе все это представить.

Щеки пылают так, будто бы я буханка хлеба и меня только-только вынули из раскаленного жерла печи. И я точно знаю, что демон чувствует мое смущение.

– Да-да, примерно так, птичка, только еще непристойнее, – шепчет этот наглец мне прямо на ухо.

И хочется влепить ему пощечину еще раз, а ладони вцепляются в его плечи, потому что я не хочу упасть, да и не успею материализовать свои крылья, падая на такой большой высоте. И не факт, что смогу – после отравления-то.

Нужно успокоиться. Еще не хватало ему способствовать...

За спиной у Генри – черные огромные крылья. Такие я бы рисовала человеку-дракону, не иначе. Но...

– Разве у демонов есть крылья? – спрашиваю я, чтобы хоть как-то соскользнуть с предыдущей темы разговора. – Нам говорили... крылья – это дар небес, который дан, чтобы не попадаться демонам.

– Ну, так оно и есть, на самом деле, – Генри кивает, чуть скучнее в лице, – с появлением первой демонической метки – крылья ангела тебе отказывают. Мои – высшая демоническая метка, их получают только конченные отморозки.

Он произносит это и замолкает, будто подводя черту в этом разговоре. А парой секунд спустя приземляется на крыше ближайшего дома и наконец выпускает меня из своих спрутовых объятий.

– Извини, если я тебя напугал, птичка, – отрывисто произносит Генри, ныряя ладонями в карманы, – но этот разговор был не из тех, которые я готов вести посреди улицы.

– Почему? – мне вот разницы не было.

– Не важно, – Генри морщится, явно выказывая свое недовольство. – Давай теперь подробнее. Ты мой поручитель? Конкретика есть? Хоть какая-то? Чем поручительство за меня чревато для тебя?

– Конкретики мало, – нерешительно произношу я.

Конкретики на самом деле чудовищно мало. Я знаю точно только то, что если он получит восьмой класс опасности, – приговор нам с ним выпишут общий на двоих. И все. Но хотя бы это я сказать могу.

Генри выслушивает меня все так же безмолвно. Он будто сбросил с себя маску озабоченного придурка и сейчас действительно напоминает опытного, побитого жизнью демона. Который очень загружен – внезапно – моими проблемами.

Серьезно?

– В общем, так, – я неловко улыбаюсь, – если ты допрыгаешься до ада – мы туда отправимся вместе.

– Даже при том, что твой личный долг тебя даже до бесов не утянул? – Генри скептически кривится. – Знаешь, не могу сказать, что всегда понимаю логику Небес. В общем-то – никогда не понимаю. Почему они вообще меня освободили и зачем поставили под удар тебя?

Я не знаю. И все, что я могу сделать, – развести руками. Если бы я знала, зачем это все...

– Итак, мы знаем, что тебя ждет, если я перейду из Исчадий в Дьяволы, – неторопливо проговаривает Генри, – знаем и то, что мне не так долго переходить осталось, я получил приговор, уже когда стал больше, чем Исчадием. И знаешь ли, Агата, что я могу сказать тебе в этом случае?

– Что? – я предполагаю “худшее”, типа “мне плевать” и “это твои проблемы. А слышу невозмутимое:

– В Чистилище ты больше не вернешься, птичка.

7. Очень приятно, демон!

– Что?

Забавно смотрится непреклонное упрямство на бледной, почти серой от слабости мордашке Агаты Виндроуз, все еще не оправившейся после отравления. Забавно и немного выбивает из колеи. Что это шевелится где-то на самом дне души Генриха Хартмана? Совесть? Стыд? Давно ли он подцепил эту гадость?

Хотя ладно, Генрих на самом деле сочувствует Агате. Неожиданно обнаружившимся незачерстевшим краешком души. Ему была известна токсичность собственного яда. И ей бы сейчас лежать, отходить от отравления, а она рванула в смертный мир, который ей сделает только хуже. Слишком уж тут яркие эмоции, слишком много искушений.

– Исключено, – девушка отрицательно дергает подбородком, сдвигая разговор с мертвой точки, – я не протяну здесь долго. Во-первых, меня сожрут. Во-вторых, я лишусь поддержки Чистилища и работать не смогу.

– Это смешно, – Генрих не удерживает в себе смешок, хотя, откровенно говоря, сдержанность никогда не входила в число его достоинств, – птичка, какая работа, у тебя командировка в ад, считай, уже на столе у Пейтона лежит, и он ее через пару недель подпишет. А туда – в один конец отправляют. Из ада не возвращаются.

– Можно подумать, ты об этом много знаешь, – ехидно возражает девчонка, глядя на Генриха с вызовом. Черт ее побери, это на самом деле заводит. Он и так-то слегка на ней двинулся, уже сутки не мог избавиться от беспокойства на тему, как там себя чувствует эта глупышка, после того как он ее отравил. А когда почуял ее запах, чудом вообще смог сосредоточиться на Лане и сделать вид, что она его все еще интересует.

И вот. Что Агата Виндроуз на редкость упрямая коза – для Генриха открытием не было. Он помнил, как она сцепилась даже с Пейтоном, при всем его авторитете. Но это действительно привлекало. Особенно хищника внутри, который обожает укрощать строптивых девиц.

– Об аде я немного знаю, Небеса пронесли, – Генрих пожимает плечами, – но чтобы меня отправить в ад, Триумвирату надо меня поймать, а это затруднительно, пока я в Лондоне, пока я знаю, что делать, чтобы по минимуму попадать в сводки, и что делать, если все-таки сделал что-то не то. А тебя ловить не надо, если ты собираешься ходить на работу.

– Ты говоришь, что знаешь, как избегать того, чтобы тебя поймали. Но тем не менее тебе это не очень помогло, – придиричиво замечает Агата, – тебя ведь поймали и отправили на Поля.

– В тех условиях я сам пошел на открытую схватку, мне было от чего отвлекать Триумвират, – Генрих отвечает сухо, обозначая сразу, что тему он развивать не будет, – птичка, тебе не идет занудство.

– Мне много чего не идет, особенно делать необдуманные поступки, – парирует девушка, улыбаясь достаточно красноречиво, чтобы понять, на что она

намекает.

– Ну тут уж ты ничего не сделаешь, – Генрих широко ухмыляется, – надо было приводить с собой Триумвират. А теперь уж поздно, и я тебя от себя никуда не пущу.

Еще чего не хватало, отпускать от себя ее, которая может найти его чуть ли не в любое время дня и ночи, лишь только он подумает о совершении чего-то неправильного.

А Генрих отдает себе отчет – “греховные помыслы” его одолевали очень часто. Ход он им старался не давать – сейчас, по крайней мере, но мысли контролировать не имелось возможности. Значит, и Агата, если что, найдет его довольно быстро.

– Ты не понял? – девушка упрямо поджимает губы. – Я не останусь. Мне совсем не улыбается, чтобы меня сожрали.

– Интересно, – Генрих щурится, разглядывая глупышку так, чтобы ей стало неловко – так, будто он уже ее раздел и поставил перед собой в таком виде, – кто ж тебя сожрет, если ты будешь под моей защитой?

У Агаты вздрагивают губы, она будто не ожидала этого услышать.

– С чего бы тебе меня защищать?

– А с чего тебе было за меня молиться? – невозмутимо интересуется Генрих. – Ты мой поручитель, тебе из-за меня грозит высшая мера. Защита – меньшее из того, что я могу тебе предложить. Впрочем, я тебе предложу больше, и, не сомневаюсь, ты оценишь.

Печально, но очередной выпад, который должен был вогнать девушку в краску, улетает в молоко.

– Ты – демон, – задумчиво произносит Агата, будто напоминая. И даже непонятно, себе она это напоминает или ему. Будто всерьез обдумывая что-то свое. Выражение лица у нее при этом непостижимое. Примерно с такой же

бесконечной отстраненностью она целовала его, еще распятого, в лоб.

Интересно, что за мысли копошатся в этой безумной голове?

– Я не просто демон, птичка, – безмятежно кивает Генри, – я – исчадие ада. Думаешь, мне не по силам разобраться с мелким лондонским демоньем? Здесь мало исчадий ада, большинство – уже на Полях.

– Генри, – Агата звучит устало, и на краткий миг мерещится, что она готова сдаться. А потом она устало трет виски и будто встряхивается, – Генри, ты же понимаешь, что я не могу остаться в смертном мире?

– Да в общем-то черт с ним, можешь ты или нет, – скептически откликается Генрих, – птичка, я смогу тебя удержать. И удержу. Ключи-то твои у меня, забыла? И без них ты никуда не вернешься.

Девушка хватается за карманы. Кажется, она уже и забыла, что он ее обыскивал. И ведь не просто так обыскивал, но ключи стащил, все три, потому что не имел никакого желания, чтобы она ускользнула от него без его разрешения. А теперь...

А теперь, что стоит вытащить ключ из кармана и сжать его между пальцами. Не так много силы нужно, чтобы уничтожить в смертном мире предмет из Чистилища. Особенно демону. К ногам осыпается белый пепел. Еще два ключа осталось.

– Генри, не надо, – впервые за все время своего краткого знакомства с Агатой Виндроуз Генри видит в ее лице нешуточную панику. И ощущает ее острый вкус.

– Ну а что мне с тобой сделать, если ты не понимаешь, что нечего тебе в Чистилище больше делать и уж тем более работать? – честно говоря, вкус страха Агаты Генриху приходится не по нутру. Он вообще бы предпочел, если бы она на него реагировала как-то совсем по-другому.

Между ними замирает тишина. Он не торопится расправляться с оставшимися ключами, ему нужно уже, чтобы она поняла его правоту.

А девчонка смотрит на него, прикусив губу, напряженная – ее чуть ли не трясет. До понимания ей далековато.

Ведь до нее два шага, не так и много, чтобы преодолеть это расстояние. Ведь само по себе просится, что он шагнет к ней и успокаивающе прижмет к себе... И да, щека, конечно, помнит пощечину, усиленную святым огнем, но, если двигаться не так быстро и напористо, может, и выйдет...

Додумать Генрих не успевает, потому что Агата встряхивает головой и разряжает молчаливую паузу.

– Генри, тебе не кажется, что, если ты силой начнешь держать меня в смертном мире, это в твоей кредитной сводке точно засветится?

Вот ведь хитрая крылатая зараза... в принципе, да, это резон ее не держать, но слабый.

– Готов поспорить, уже к завтрашнему утру ты будешь сама просить, чтобы я тебя “удерживал силой”, – удивляется Генрих.

Ну хоть похабность этой фразочки не пропала втуне. Девчонка в который раз залилась краской, и от нее пахло смущением. Отлично, хоть не паникой.

– Ты можешь не пошлить? – полузадушенным тоном выдыхает Агата. – Такое ощущение, что ты только об одном и думаешь.

Нет, серьезно? А Генрих думал, что он родился во времена скромниц. Агата же вроде из недавно умерших, что ж такая неискушенная-то?

– Ну почему об одном, – Генрих многозначительно улыбается, – я думаю о большом количестве вариаций того, что могу с тобой сделать. Очень большом количестве вариаций...

– Прекрати, пожалуйста, – Агата это уже тихонько выстывает, явно желая провалиться куда-нибудь подальше.

– Ну ты мне еще дышать запрети, – Генрих насмешливо хмыкает, а затем подкидывает в ладони второй ключ. Агата приходит в себя тут же.

– Не надо, правда, – уже более слабым голосом просит она, – мне нужно вернуться. Я, в конце концов, не смогу жить здесь.

– Я могу, – Генрих пожимает плечами, – любой человек из Лимба может.

– Становясь демоном, – замечает Агата, будто Генрих об этом внезапно запомнил, – в мире смертных тем, кто уже умер, запрещено жить. Бывать – можно. Навещать родных или работать. Но не жить. Здесь нам и питаться нечем.

– Агата, – Генрих с трудом подавляет в себе вздох, – да, тебе придется стать демоном. Но лучше стать бесом, чем отправиться в ад, я уверен. Поверь, грешить я тебя заставлять не собираюсь. Разве что... Разве что по ночам ты будешь моей личной грязной грешницей. Но я никому об этом не расскажу, можешь не сомневаться. И сильно это тебе не навредит, так что совесть твоя будет чиста. Почти...

Девушка прижимает к пылающим щекам ладони, явно пытаясь ими охладить горячую кожу на лице.

– И все-таки девственница в двадцать три – это нонсенс, а папа мне – добродетель, добродетель, – шепчет Агата еле слышно, по человеческим меркам, но Генрих не удерживается, хмыкает в кулак. Птичка. Как забавно, что она забывает о таких бонусах демонической жизни как усиленный слух.

Впрочем, если бы это ему что-то давало. Упрямая девица, кажется, намерена не слезать с него, сколько бы он ее ни подкалывал. Она явно пытается делать вид, что и не замечает его выпадов.

– Генри, давай начнем с того, что я демоном становиться не хочу, – твердо произносит Агата, глядя на демона в упор. Это она так пытается его продать? Смешно.

– В ад хочешь? – с интересом переспрашивает Генрих. – Ну если так, то кто я такой, чтобы тебе препятствовать? Хотя нет. Пожалуй, я все-таки должен тебя

спасти от такой феерической глупости. Ибо я знаю, что такое распятие, и думаю, что в аду хуже раз в сорок. Так что нет, не пущу я тебя в чистилище, птичка, не убедила.

– Нет. Я не хочу в ад, – Агата качает головой.

– Какое облегчение, твое безумие не настолько безнадежно, как я думал, – с абсолютно неискренним восхищением улыбается Генрих, – так вернемся к тому, с чего я начал этот разговор – с того, где мы с тобой будем коротать эту ночь, птичка?

– Дай мне договорить, – Агата смотрит на него исподлобья, сердитая, как готовый к драке воробей.

– Пожалуйста-пожалуйста, – Генрих широко ухмыляется, – попробуй меня удивить и сказать что-нибудь неожиданное.

– Ты не думал о том, что это за поручительство и как оно работает? – не сказать, что этот вопрос Генрих ожидал, но... Нет, не ожидал. Слишком они в сторону от этой темы ушли. Нет, Генрих не опешил от такой смены темы, просто пожал плечами.

– Но к чему нам с тобой эта информация? – скептически уточняет демон.

– К тому, что ничего не бывает случайно, понимаешь? – еще непонятно, к чему клонит Агата, но ее мордашке очень к лицу эта отстраненная задумчивость. – И не может быть, чтобы просто так я могла тебя отследить, а Триумвират – не мог. Зачем-то это нужно.

– И зачем? – Честно говоря, Генриху хочется щелкнуть девчонку по носу – кто знает, может, это сработает как тумблер выключения ее режима зануды.

– Ну, может, затем, что ты не безнадежен? – девушка почти огрызается, произнося это. Кажется, уже готова к тому, что Генрих поднимет ее на смех – ну и не так уж она не права на самом деле.

– Не безнадежен? Я? – Генрих кашляет в кулак, отчаянно пытаясь не смеяться. – Малышка...

– Ты же не грешишь сейчас, – перебивает Агата, все сильнее напрягаясь с каждым словом, будто готовая отбивать атаку.

– Исключительно из соображений своей выгоды, – ухмыляется Генрих, – чем дольше я в смертном мире, тем я сильнее. И лучше, если я буду встречаться с Триумvirатом на пике силы. А не слабеньким после прожарки на кресте. Но и то потому, что пока я справляюсь с голодом. А там... Сама знаешь, в смертный мир не бегают курьеры с сумками провианта, чтобы подкормить демонов. Скоро мне придется охотиться. Просто потому, что демонический голод умеет выжимать душу до последней капли крови.

У девчонки вспыхивают глаза, будто она услышала что-то для себя интересное.

– А если у тебя будет курьер с сумкой провианта, ты продержишься дольше, да? – деловито спрашивает она и цепляется за лямку собственного рюкзака.

– У тебя ключей не хватит, – практично замечает Генрих, пожимая плечами, – сколько их у тебя? Два? Один ты истратишь на возвращение. Останется еще один.

Агата смотрит на него с укоризной. Мол, из-за тебя их два, могло бы быть три. Впрочем, зря она старается, совесть Генриха сегодня и так просыпалась на пять минуточек, хватит с нее, так ведь перетрудится, бедолажка, надорвется. И что потом с ней делать?

– Вообще, я думаю, что смогу с этим разобраться, – очень осторожно подбирая слова, произносит Агата.

– Ты предлагаешь мне положиться на твое “я подумаю”? – скептически уточняет Генрих. – Птичка, я не хочу, чтобы ты ушла в Чистилище и не вернулась оттуда.

– Я предлагаю тебе мне довериться для начала, – девушка улыбается открыто и спокойно, – я тебя не выдам. Можешь поверить хотя бы в это?

– Птичка, – Генрих вздыхает, потому что он ужасно заколебался с ней спорить, – проблема ведь не в том, что я тебе не доверяю. Ты чокнутая, но честная. Но ад – это тебе не шутки. Я сдаваться не пойду, сразу скажем. Но могу защитить тебя от Триумvirата. Ты что-то придумала своей безумной головкой, но и сама в этом не уверена.

– У меня останется один ключ, – Агата перебивает его торопливо, будто последний козырь на стол выкладывают. – И если у меня не получится...

Она замолкает, нерешительно прикусывая губу.

– То что? – вкрадчиво переспрашивает Генрих. – Примешь мой вариант? Придешь ко мне? И останешься?

– Да, – Агата тихо вздыхает, поднимая на него свои теплые глаза.

– Обещаешь?

– Да, Генри, да, обещаю, – ворчит Агата, – не понимаю, почему это так важно.

– Такие, как ты, прелесть моя, всегда соблюдают обещания, – Генрих снисходительно смеется, – пока их не испортят такие, как я. Я еще не успел, но я исправлюсь, не волнуйся. Когда ты сама ко мне придешь.

Он может подождать. Но в том, чтобы она добровольно пришла к нему, будет своя приятная победа.

– Держи, – девчонка сбрасывает с плеча рюкзак, протягивает его Генриху, – тут выходной паек на три раза. Насколько тебе его хватит?

Это вообще-то запредельная щедрость.

Все содержимое выходного пайка, что бы там ни было – в отличие от большинства чистилищной пищи, создавалось из амброзии. Субстанции, укреплявшей души, притупляющей их греховный голод довольно крепко.

Такая роскошь демонам доставалась редко, большинство работников оставляли подобные ценности в Чистилище, съедая их только по возвращении. В принципе рядовому работнику обычного разового пайка было более чем с избытком, для того чтобы питаться целые сутки. Хотя паек предназначен для девчонки, наверняка там полно сладостей, но Генриху не до капризов.

Выходные пайки всегда предназначались для работников, чтобы уберечь их от череды искушений смертного мира. В них было все – и вкус, и сытость, чтобы заглушать тоску настолько плотно, насколько возможно.

И вот это, то, что нужнее после отравления ей, Агата легко протягивает ему. Демону, из-за которого и так ходит под угрозой ссылки в ад.

– А сама? – тихо спрашивает он. – Оставь себе хотя бы один.

– Насколько хватит трех? – Агата отмахивается, сверля Генриха настойчивым взглядом. – Я сносно переношу постный режим, не парься. У меня хотя бы что-то будет, у тебя не будет ничего.

Да он бы и сам посидел на том постном режиме, если бы такая перспектива была. Но в смертном мире это бы ему не помогло. А нужно продержаться и не сорваться на охоту, хотя бы несколько дней.

– Дурная ты, птичка, – Генрих недовольно качает головой, – и неумная.

– Ага, птичка-дятел – это как раз про меня, – радостно отшучивается Агата, – мистер Пейтон бы наверняка согласился. Генри, заberi рюкзак, у меня рука устала.

Генрих забирает, но откладывает любопытство в сторону. Заглянуть можно и потом. А сейчас Агата смотрит на него пытливым взглядом.

– Так что, насколько хватит?

В какой раз она спрашивает?

– Растяну на четыре-пять дней, – обещает Генрих, разглядывая это непутевое создание, которое каким-то чертом занесло в Святую Стражу, – тебе хватит этого времени, чтобы выяснить ответы на свои вопросы?

– Да, думаю, да, – Агата деловито кивает, – Генри, а если тебе еды не хватит?

– Я задумаю гнусное соблазнение какой-нибудь монашки, и ты это сразу увидишь и поймешь, что все плохо и времени нет?

– Обязательно соблазнение? – девчонка морщится.

– Могу задумать убийство. Мучительное, – буднично пожимает плечами Генрих, – так тебе будет лучше, птичка?

– Н-нет, пожалуй, – Агата качает головой, а потом вздыхает, – Генри, я очень устала, смертный мир жутко давит. Можешь вернуть ключи?

Занятный вопрос. Будто она в нем сомневается.

Генрих протягивает вперед раскрытую ладонь с двумя её ключами. Девушка тянется к ним, а он ловит ее пальцы своими.

Глупая. Ну это ж самый простой трюк.

А она замирает, купая его в коричном тепле своих глаз.

– Буду очень ждать нашей следующей встречи, Агата Виндроуз, – улыбается Генрих.

То, что он ждет ее, чтобы поймать эту птичку в свои лапы уже насовсем – он проговаривает про себя.

Он хочет этого потому, что в аду Агате не место, а выходов из этой ситуации не существует.

А еще потому, что ему просто этого хочется.

В конце концов, соблазнить девушку, которой очень дорожит святоша Миллер, будет маленькой, но очень приятной местью.

Агата вытягивает пальцы из ладони Генриха, он не препятствует. Он еще все успеет.

Девушка чуть встряхивается, будто сбрасывая с себя наваждение, и оглядывается. Генрих занес ее на крышу дома, относительно невысокого среди местных многоэтажек, но для того, чтобы воспользоваться ключом, ей нужна дверь с замочной скважиной, а такие наверняка найдутся только внизу. И можно было бы сосредоточиться, провалиться вниз, в квартирку кого-нибудь из смертных, ведь, по сути, для них и Генрих, и Агата сейчас были бесплотными духами, но это всегда ходило на грани с риском. Кто его знает, что ты можешь увидеть из того, что тебе видеть не полагалось. Проще было слететь вниз, пара минут, дай Бог, два десятка взмаха крыльев.

– Ну что, спустить тебя? – тоном джентльмена интересуется Генрих. Он ведь знает, что крылья в смертном мире призывать тяжелее. Ну и лишний раз потискать девчонку он не откажется ни в каком случае.

Агата задумчиво смотрит на него и качает головой. Кажется, она догадывается об истинной стороне его мотивации.

– Да нет, я сама справлюсь, – отзывается девушка и чуть прикрывает глаза, сжимая ладони вместе, будто для молитвы. Да, кажется, это упрощает... Но удлиняет процесс призыва крыльев. Имей Генрих намерение эту дурочку употребить в качестве десерта – он бы успел ее поймать до того, как крылья за ее спиной обрели бы плотность.

Генрих шагает к ней, опускает ладонь на плечо, заставляет замереть. Касается ладонью плотных перьев. Для нее это весьма ощутимое прикосновение, ведь крылья – часть ее души сейчас.

И все-таки грешница. Он было подумал, что девочка – серафим, не меньше, уж больно быстро она очнулась от его яда. Без небесной благодати в крови это было бы сделать сложно, но... Но серафимы, архангелы – эти все сплошь белокрылые.

Крылья Агаты – серые, будто покрытые пылью, а на спине, у лопаток, – множество мелких черных перьев. Лежат плотно друг к дружке, будто черная туча на сером небе. Seriously, однако.

– Что ты такого натворила? – с интересом уточняет Генрих, и его накрывает плотным водоворотом чувств, поднявшихся в душе у девушки. Страх, стыд, неприязнь. Не к нему – к прошлому. Даже любопытно стало, что скрывает в своей душе эта дурочка. У него-то, когда еще были такие вот крылья, “подаренные небесами”, серых перьев почти не было. Умирал он на виселице. И за дело.

– Не важно, – Агата чуть встряхивает крылом, отталкивая ладонь Генриха. А он лишь перекладывает руки на ее плечи и ободряюще их сжимает.

– Не нервничай, птичка, душу сапогами топтать не буду, – с усмешкой и чуть успокаивающим тоном замечает он. – Я ведь знаю, что среди ангелов восьмого слоя святых не найдешь и с лупой. Это же не умаляет того, что ты для меня сделала.

От Агаты впервые чувствуется тепло. Не любопытство и доброжелательность, а именно тепло. Так бывает, когда отодвигаешь плечом в сторону чужие страхи.

И все-таки изъяны есть в каждой душе. Генрих и так это знал – он ведь знает, насколько не подходят святоше Миллеру его белые крылышки, но сейчас получает лишнее доказательство. Даже светлой и сочувствующей Агате Виндроуз есть что скрывать и есть чего стыдиться.

– Ну так что, летаем напоследок, птичка? – свои крылья Генрих материализует без особых усилий. Он по ним скучал там на кресте. Они настолько его, что даже странно, что когда-то он был без них. Все-таки некоторые вещи неизменны и иной раз кажутся так и вовсе предрешенными. Такие, например, что Генрих Хартман – исчадие ада.

Агата даже не пытается отказаться от полета, ведется на предложение Генриха как девчонка, взлетая вслед за ним – наверняка в Лимбе крыльями пользуется “только по делу” и никогда для того, чтобы просто получить удовольствия от высоты и стремительного полета.

Делить полет Генриху раньше было не с кем. Метку в виде крыльев исчадия ада он получил почти перед самым распытием, да и в принципе редко кому удавалось выпить душу Орудия Небес. Он не искал этой метки, он просто мстил самым жестоким из доступных ему методов. А крылья – крылья пригодились, конечно.

То, что было в Чистилище, – оно было, но сейчас это и вспоминать не хочется. Кажется, это было целую вечность назад.

Но делил полет с кем-то Генрих впервые. И Агата Виндроуз для этого – подходящий кандидат. В самый раз для того, чтобы дать ей фору секунд в пять, а потом в четыре взмаха крыльев набрать ту же высоту, что “птичка” набрала за десять.

– Нечестно, у тебя размах больше, – возмущенно пищит Агата, когда Генрих хлопает ее по плечу – “догнал, мол” – а у самой глаза блестят. Ей весело.

– Ну, дорогая, что такое честность и в каком месте это про меня? – Генрих смеется.

Взмах за взмахом, воздух вокруг все холоднее, но вид на ночной безумный Лондон с высоты птичьего полета – то, ради чего стоит потерпеть такие мелкие неудобства.

Этот город чудовищно изменился за то время, пока Генриха в нем не было. Он ощутил это еще вчера, и это не описать двумя словами. Так и хочется сказать: “Здравствуй, старина, ты меня не помнишь, да и я тебя, пожалуй, тоже почти не знаю”.

В какой-то момент простое скольжение в небесах Генриху надоедает, и демон снова позволяет Агате чуть опередить себя, затем снова ее настигает – только для развлечения, никакой настоящей охоты – ловит девушку за талию, притягивает к себе.

– Крылья убери, – вкрадчиво и многообещающе шепчет Агате в ее холодные губы. Тут такая высота, что она вряд ли подумает, что он так бессовестно ее атакует. Хотя так оно и есть, ему хочется чужать ее волнение.

И он чувствует. Будто ледяная змейка трепета скользнула по позвоночнику Агаты Виндроуз.

Девушка смотрит на демона удивленно, не очень понимая, что он хочет, а Генрих подмигивает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/volhovec_vera/veduschaya-na-svet

надано

Прочитайте эту книгу целиком, купивши полную легальную версию: [Купити](#)